

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И. В. Евсева
« _____ » _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
РЕЧЕВОЙ ЖАНР «УТЕШЕНИЕ» В РУССКОЙ
КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА (на материале текстов художественной
литературы)

Выпускник

П.И. Иванова

Научный руководитель

д-р. филол. наук,
доц. А.Н. Смолина

Нормоконтролер

Н.А. Руш

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «УТЕШЕНИЕ»	8
1.1. Теория речевых жанров: становление и современное состояние (краткий обзор).....	8
1.2. Речевой жанр «утешение»: история исследования	17
1.3. Особенности утешения в русской коммуникативной культуре: по результатам изучения научных работ современных российских лингвистов	23
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	33
ГЛАВА 2. РЕЧЕВОЙ ЖАНР «УТЕШЕНИЕ» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА: ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	34
2.1. Содержательные типы речевого жанра «утешение».....	34
2.2. Языковые особенности речевого жанра «утешение».....	44
2.3. Взаимодействие речевого жанра «утешение» с речевым жанром «совет»	64
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	76

ВВЕДЕНИЕ

Представленное исследование посвящено специфике функционирования речевого жанра «утешение» в современной русской коммуникативной культуре. На основе анализа текстов пьес, сценариев, рассказов, повестей и романов, вошедших в фонд русской литературы XX века, в работе делаются выводы об идейно-содержательных, лексических, морфологических особенностях исследуемого явления русского языка, а также показывается контекстуальное взаимодействие речевого жанра «утешение» с речевым жанром «совет».

В настоящее время наблюдается активный интерес к этикетным речевым жанрам. Исследователи в работах разного типа (диссертации, статьи, монографии) рассматривают как комплексы жанров речевого этикета (наиболее известные труды такого плана принадлежат А. А. Акишиной и Н. И. Формановской – «Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения», «Речевой этикет в русском общении», «Этикет русского письма» [Формановская, 1998, 2009; Акишина, Формановская, 2016]), так и отдельные этикетные жанры (работы «Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах» А. Ю. Архипенковой, «Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века» А. Б. Черняевой, «Речевой жанр «совет» с точки зрения его семантических характеристик» А. А. Соловьевой, «Речевой жанр совета в духовных письмах русских церковных писателей XX века» А. Н. Смолиной, «Жанры приветствия и прощания в речи студентов» Т. Г. Рабенко [Архипенкова, 2006; Черняева, 2008; Соловьева, 2009; Смолина, 2016; Рабенко, 2016]).

Утешение как одна из наиболее значимых составляющих русской коммуникативной культуры также в последние десятилетия находится в центре внимания современных российских филологов. О роли утешения в общении русских людей пишет Т. Г. Рабенко, указывая на то, что этикетный речевой жанр «утешение» занимает особое место в отечественной культуре

[Рабенко, 2012]. Активное функционирование в русском языке этикетных формул утешения отмечается Н. И. Формановской, что ученым связывается с принятием в русском обществе жалоб человека на то, чем он недоволен в своей жизни, а также уверенностью русских людей в помощи со стороны других, сопереживании, сострадании [Формановская, 2009]. Н. Н. Кузьминой подчеркивается, что утешение выполняет значимую психотерапевтическую функцию [Кузьмина, 2010]. В работах Е. А. Аль-Фарадж затрагиваются вопросы, связанные с выявлением особенностей утешения в христианской культуре [Аль-Фарадж, 2015]. С. А. Моисеевой показываются стратегии религиозного утешения [Моисеева, 2017]. Тем не менее, функционирование утешения в сфере русской коммуникации остается недостаточно изученными, как представляется, заслуживает внимания со стороны филологов.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нем впервые рассматриваются особенности бытования утешения в русской культуре на материале произведений художественной литературы XX века. Кроме того, говоря о новизне исследования, важно отметить то, что в нем предпринимается попытка всесторонне осветить вопросы, связанные с практикой утешения в русской коммуникативной культуре, то есть рассмотреть как содержательные, так и языковые (лексические, морфологические, синтаксические) особенности этикетных формул утешения.

Объектом исследования является утешение как этикетный речевой жанр. **Предметом исследования** становятся идейно-содержательные, лингвостилистические, типологические особенности этикетного речевого жанра «утешение», функционирующего в произведениях русских писателей XX века.

Цель работы заключается в выявлении идейно-содержательных и языковых особенностей речевого жанра «утешение», функционирующего в русском речевом общении, представлении основных содержательных типов данного жанра, бытующих в произведениях русских писателей XX века.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть содержательную составляющую речевого жанра «утешение»;
- 2) представить лексические способы выражения речевого жанра «утешение»;
- 3) указать морфологические способы выражения речевого жанра «духовное утешение»;
- 4) обозначить фигуративно-тропеическую специфику речевого жанра «утешение»;
- 5) рассмотреть взаимодействие речевого жанра «утешение» и речевого жанра «совет».

В ходе исследования использовались **методы** комплексного лингвистического анализа, которые включают в себя приёмы наблюдения, интерпретации, классификации и обобщения рассматриваемых фактов языка и речи, метод лингвистического комментирования, метод сплошной выборки. При работе с эмпирическим материалом применялся жанроведческий подход, позволяющий выявить жанрообразующие признаки исследуемого явления.

Фактическим материалом для изучения послужили художественные тексты русских писателей XX века (произведения А. Н. Толстого, Б. Л. Васильева, В. В. Быкова, В. Ф. Тендрякова, А. В. Вампилова, М. М. Рощина, А. Н. Арбузова, Э. В. Брагинского, А. Н. Рыбакова, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина, Ю. В. Трифонова, В. П. Астафьева, С. Т. Григорьева, М. А. Шолохова, В. П. Андреевской, Д. А. Гранина, М. М. Зощенко, А. И. Солженицына, В. П. Крапивина, Ю. И. Юркуна, Н. В. Коляды, В. П. Катаева, П. Л. Проскурина, Н. А. Тэффи, Ф. Ф. Тютчева, М. Горького, О. В. Волкова, Б. Л. Пастернака, К. Г. Паустовского, Л. А. Чарской, Т. В. Устиновой, А. Е. Зарина, В. Д. Дудинцева, М. А. Булгакова, В. О. Пелевина, Я. Ларри).

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории речевых этикетных жанров русского языка, расширении области знания, представляющего особенности русской коммуникативной культуры.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования результатов исследования в преподавании дисциплин «Риторика», «Культура русской речи», «Межкультурная коммуникация», «Стилистика русского языка», «Русский речевой этикет».

Теоретическую основу данной работы составили жанроведческие исследования (труды М. М. Бахтина, Т. В. Шмелевой, А. Вежицкой и др.), исследования по речевому этикету (работы А. А. Акишиной, Н. И. Формановской, А. Б. Черняевой, А. А. Соловьевой и др.), исследования по речевому жанру «утешение» (работы А. Н. Смолиной, А. О. Ханского, Т. Г. Рабенко и др.), исследования по психологии (труды Ф. Е. Василюка, Н. Г. Немца, Е. В. Янкиной и др.).

Структура работы.

Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, двух глав, Заключение, списка источников иллюстративного материала и списка использованной литературы.

В 1 главе «Теоретические основания изучения речевого жанра “утешение”» рассматривается становление и современное состояние теории речевых жанров, история исследования речевого жанра «утешение», специфика утешения в русской коммуникативной культуре.

Во 2 главе «Речевой жанр “утешение” в русской культуре XX века: по данным исследования текстов художественной литературы» представлены основные содержательные типы речевого жанра «утешение», функционирующего в текстовом поле русской художественной литературы XX века, языковые (лексические, морфологические, синтаксические) особенности речевого жанра «утешение» и взаимодействие речевого жанра «утешение» с речевым жанром «совет».

В заключении содержатся основные выводы по работе.

Список использованной литературы включает в себя 61 наименование.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «УТЕШЕНИЕ»

1.1. Теория речевых жанров: становление и современное состояние (краткий обзор)

Речевой жанр как коммуникативное явление, исследованию которого посвящена данная глава, еще задолго до обретения своего названия прочно закрепилось в жизни человека. Согласно М. М. Бахтину, «все многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка – вполне понятно, что характер и формы этого использования так же разнообразны, как и области человеческой деятельности» [Бахтин, 1979: 237]. Мы знаем, что язык реализуется в виде индивидуальных конкретных высказываний (устных и письменных) участников различных областей деятельности человека. Специфические условия и цели каждой такой области, по М. М. Бахтину, эти высказывания отражают своим тематическим содержанием, языковым стилем (отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка) и композиционным построением. И все эти три вышеупомянутых момента, по мысли ученого, «неразрывно связаны в целом и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний» [Бахтин, 1979: 237]. Эти типы исследователь и называет речевыми жанрами. Само явление речевого жанра стало одним из важнейших теоретических представлений языковедения. Согласно утверждению В. И. Карасика, «владение речевым жанром есть одна из статусных характеристик личности» [Карасик, 2004: 135].

Особо следует подчеркнуть крайнюю неоднородность речевых жанров (устных и письменных), о которой говорил М. М. Бахтин. Он включал в категорию жанров речи краткие реплики повседневного диалога, бытовое повествование, письмо, краткую воинскую команду, деловые документы,

разнообразный мир комментариев (в широком смысле слова: социальных, политических), а кроме того – разнообразные формы научных трудов и все литературные жанры (от пословицы до многотомного романа). Исследователь отмечает поистине огромную разнородность речевых жанров и как следствие – отсутствие единой плоскости их изучения. Общие черты жанров речи делает абстрактными и пустыми именно функциональная разнородность, и этим, по мысли теоретика, «объясняется, что общая проблема речевых жанров по-настоящему никогда и не ставилась» [Бахтин, 1979: 238]. Литературные жанры, как заметил ученый, исследовались больше всего – но лишь в контексте литературно-художественной специфики и в их дифференциальных отличиях друг от друга (в пределах литературы), а не как определенные типы высказываний, отличные от других типов, но имеющие с ними общую языковую природу. Риторические жанры изучались с античности (и в последующие эпохи мало что прибавилось к классической теории). Но и здесь особенности риторических жанров (судебных, политических) еще заслоняли их общеязыковую природу. Изучались и бытовые речевые жанры (главным образом реплики бытового диалога), причем с общелингвистической точки зрения [Бахтин, 1979: 239].

В трудах М. М. Бахтина мы находим разделение речевых жанров на первичные (простые) и вторичные (сложные) [Бахтин, 1996: 161]. Здесь появляется и существенное различие между двумя этими видами: второстепенные речевые жанры — романы, драмы, разнородные научные исследования, крупные жанры комментария и т. п. — возникают в более сложной, сравнительно высокоразвитой и организованной культурной коммуникации (прежде всего письменной), т. е. художественной, научной, общественно-политической, и так далее. Исследователь отмечает, что в процессе своего формирования они впитывают и переваривают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся непосредственно в речевом общении. Эти первичные жанры изменяются и приобретают особый характер, когда входят в состав сложных. Они теряют свою непосредственную связь с

реальной действительностью и с реальными высказываниями других. Например, реплики бытового диалога или письма, встречающиеся в романе, сохраняют свою форму и свое бытовое значение только в плане содержания романа. В действительность они входят только через роман в целом, т. е. как литературно-художественное событие, а не как явление быта. Роман в целом и есть высказывание, пишет ученый, как реплики в бытовом диалоге или частных письмах (они имеют общий характер), однако в отличие от них роман это вторичное (сложное) высказывание [Бахтин, 1979: 239].

Мы видим, что разница между первичными и вторичными (идеологическими) жанрами действительно очень велика и принципиальна, и именно поэтому природа высказывания исследуется учеными путем анализа обоих жанровых типов.

Изучение характера высказывания и разнообразия родовых форм высказываний в различных сферах человеческой деятельности имеет огромное значение почти для всех областей языкознания, как считает М. М. Бахтин. Четкое представление о характере высказывания вообще и об особенностях различных типов высказываний (первичных и вторичных), т. е. различных речевых жанров, необходимо для исследования в какой-либо специальной области. Игнорирование характера высказывания или невнимание к особенностям родовых подкатегорий речи в любой области лингвистического исследования ведет к поверхностности и излишней абстрактности, искажает историю исследования, ослабляет связь языка с жизнью. Ведь язык, по мысли теоретика, входит в жизнь через конкретные высказывания (которые проявляют язык), и жизнь входит в язык также через конкретные высказывания. Высказывание является исключительно важным проблемным моментом [Бахтин, 1979: 240].

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего теоретического исследования научные изыскания М. В. Ломоносова. Ученый первым обратил внимание на проблему теории жанров и изложил свои мысли в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758г.). Им была выдвинута

теория «трех стилей», определившая развитие стиля русской поэзии. Кроме того, важнейшей была систематизация литературных стилей и жанров и установление общего принципа их взаимодействия – каждому «стилю» должны соответствовать свои жанры («высокому» – оды, трагедии и героические поэмы, «среднему» – элегии, сатиры, дружеские письма и эклоги, «низкому» – песни, басни, комедии и эпиграммы) [Ломоносов, 1758]. До Ломоносова был незрим огромный потенциал русского языка; его усилия были направлены на обеспечение самостоятельности и целостности русского языка, приближение литературного языка к разговорному и «очищение» русской речи от иностранных слов. Вклад ученого был замечен, как мы отмечаем ранее, и в трудах позднего языковедения.

Основоположником области знания теории речевых жанров традиционно считается уже упомянутый нами ранее М. М. Бахтин, который называл жанр «представителем творческой памяти в процессе литературного развития» [Бахтин, 1979: 399], т. е. опорой для творчества. Исследователь развил учение о речевом жанре, связь которого с теорией речевых актов на сегодняшний день признана в лингвистических кругах [Шмелева, 1992: 8]. Под речевым актом, согласно словарю лингвистических терминов, мы понимаем «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [ЛЭС, 1990]. Ученым были выделены следующие признаки высказывания [Бахтин, 1979: 247-254]:

1. Целенаправленность;
2. Целостность и завершенность;
3. Непосредственный контакт с действительностью и непосредственное отношение к чужим высказываниям (через оппозицию Автор – Адресат);
4. Смысловая полноценность (способность «быть действием», в т.ч. определять активную ответную позицию «другого»);
5. Типичная воспроизводимая жанровая форма.

Бахтин, в сущности, охарактеризовал все основные признаки речевого акта. Им было предложено само понятие речевого жанра в 1920-м году, которое нашло свое место в исследованиях последующих поколений лингвистов – например, К. Ф. Седов определил речевой жанр как «вербальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Седов 1998: 11; Дементьев, Седов 1998: 6]. Другое определение принадлежит языковеду К. А. Долинину – он описывал речевой жанр как «установленный в данном социуме тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью и регулируемый жанровыми предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнеров по общению» [Долинин, 1998: 38]. Еще одно толкование жанров речи было предложено В. А. Салимовским, он представляет это явление как «относительно устойчивые формы (модели) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых ситуациях, художественной, научной, правовой и других сферах)» [Салимовский, 2002: 31]. Лингвист Т. В. Шмелева дала следующее определение речевому жанру: «Речевой жанр – это элементарное понятие той части филологической науки, которая обращена к реальностям речевой жизни. Речевой жанр – это не текст, хотя в огромном количестве случаев жанр реализуется в тексте. Текст – только одна из возможностей его репрезентаций. Один и тот же жанр может быть воплощен во множестве текстов, а может частично в словесном тексте, а частично паралингвистическими средствами. Речевой жанр – это модель, которая накладывается на действительность и служит инструментом научного описания» [Шмелева, 1995: 60]. Базовым определением многие современные лингвисты считают формулировку М. М. Бахтина с уточнением М. Ю. Федосюка, гласящую: «Речевые жанры – это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, а текстов» [Федосюк, 1997: 107]. С опорой на дефиниции вышеупомянутых исследователей Ф. Л. Косицкая предложила еще одно определение – понимание речевого жанра как «единицу речи, представляющая собой типовую модель, объединенную единством цели, темы и композиции,

воплощенную в одном или множестве текстов, реализованную с помощью вербальных и невербальных средств и состоящую из одного или нескольких речевых актов» [Косицкая, 2006].

По вопросу определения жанра, согласно мысли В. В. Дементьева, существует несколько точек зрения, которые можно свести к трем основным и обозначить группами:

1. Концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (Аристотель, Н. Буало). Этот подход малопригоден для лингвистического речевого изучения, полагает ученый, поскольку «лишен необходимой гибкости и динамизма» [Дементьев, 1997: 109], и в этом мы с ним согласны;

2. Концепции, опирающиеся на описания отдельных аспектов жанровой организации речи – в работах такого направления содержится много ценного, однако «в них нет целостной и четкой концепции речевых жанров» [Там же: 110]. Исследователь отмечает работы Шведовой (1960), Скребнева (1985) и др., в которых прослеживается существование стереотипов и устойчивых речевых форм; труды Верещагина, Костомарова (1976) и др., направленных на поиск соответствий речевых действий типу действительности; работу Акишиной и Формановской (1986), связывающую речевой жанр с речевым этикетом и многие другие. Исследователь отмечает, что такой подход удобен для лингвистов, изучающих разговорную речь с разных сторон, а также для философов, антропологов, психолингвистов и др. [Там же: 110];

3. Концепции, основывающиеся на определении речевого жанра собственно М. М. Бахтиным; в рамках этих концепций ученый перечисляет работы А. Вежбицкой, Н. Д. Арутюновой, Ст. Гайды, В. В. Колесова, Т. В. Шмелевой и др. [Там же: 110].

В свете всего вышеизложенного нельзя не отметить, что несмотря на значительные отличия между направлениями изучения, большинство из них так или иначе созвучны с концепцией М. М. Бахтина, «предполагающей

изучение различных аспектов диалога, (коммуникативного) синтаксиса, когнитивных аспектов коммуникации» [Дементьев, 1997: 110].

Что касается места исследуемого нами явления в ряду родственных ему, то определение В. Е. Гольдина наиболее удачно характеризует это положение: «Понятие жанр речи «втиснуто» между понятиями речевого акта, текстового типа, тональности общения и некоторыми другими» [Гольдин, 1999: 5]. Как следствие, речевой жанр может определять единичное высказывание, речевой акт (реплика из бытового диалога) или же тип текста. Н. Д. Арутюнова предлагает понимать жанр как монологическое и/или диалогическое явление [Арутюнова, 1992]. Н. И. Формановская определяет речевой жанр в узком смысле – в отношении бытового общения (просьба, вопрос, разговор), и в широком – как базовую единицу вообще [Формановская, 2002: 18].

Мы видим, как теория речевых жанров – развитие идеи Бахтина – стала одним из важнейших направлений дискурса и лингвистики в целом. Так, бахтинская идея единой системы речевых жанров предпринимает попытку воплощения в жизнь в рамках семантической теории элементарных смысловых единиц, разработанной А. Вежбицкой. Этот метод, по словам лингвиста, «ведет к моделированию каждого жанра при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания» [Вежбицка, 1997].

Исследователями было предложено несколько классификаций речевых жанров, основанных на различных принципах. Наиболее объективной и удачной среди всех остальных принято считать типологию Т. В. Шмелевой, где было выделено четыре класса речевых жанров с разными коммуникативными целями (главными жанрообразующими признаками):

1. Информативный (цель – производить различные операции с информацией);
2. Оценочный (цель – изменить самочувствие участников общения);

3. Этикетный (цель – осуществить особое событие/поступок, предусмотренного этикетом данного социума);

4. Императивный (цель – вызвать осуществление или неосуществление событий, необходимых, желательных или опасных для кого-либо из участников общения).

Исследователь отмечает, что изложенные ею в работе параметры модели жанра не исчерпывают все возможные стороны описания речевых жанров, но в них заданы основные жанрообразующие моменты [Шмелева, 1997: 13]. Подытожим: модель речевого жанра по Шмелевой состоит из семи параметров: на первом месте, как пишет автор, коммуникативная цель с вышеизложенными четырьмя типами речевого жанра, далее – две пары симметричных признаков, относящихся к автору и адресату, предшествующим и последующим эпизодам общения, которые дифференцируют речевой жанр с одного типа коммуникативной целью, затем идет параметр диктумного содержания (дифференциации более узконаправлены), и в завершении параметр языкового воплощения прямо ставит речевой жанр в пространство языка с его сложным разграничением языковых средств [Шмелева, 1997: 8].

Тем не менее, несмотря на многообещающее начало в виде ряда упомянутых исследований, считается, что к нашему времени результаты не позволяют определить проблему теории речевых жанров как решенную. Мы согласны с тем, что многие существенные вопросы касательно исследуемого явления все еще остаются без ответа – например, какие принципы позволяют носителю языка распознать речевой жанр в случае несовпадения языковой формы высказывания и их последовательности с теми, с которыми он уже встречался в своей языковой практике. Ведь часто упомянутая теоретиками идея «опорных» слов, реплик или типических интенций не может быть всецело применена во многих случаях, потому как известные нативу «ключевые» конструкции высказываний и речевые фигуры могут вообще не встретиться в общении. Методика речевых исследований, как заявляет

В. В. Дементьев, «по степени формализации несопоставима с традиционными лингвистическими моделями» [Дементьев, 2015: 79].

В современном научном дискурсе есть как критики, так и защитники теории речевых жанров. Так, например, В. В. Дементьев пишет: «Теория речевых жанров не совпадает с языком полностью» [Дементьев, 2020: 172-194]. В. А. Маслова отвечает на это «...она и не должна совпадать. Язык многогранен, а теория речевых жанров описывает одну из его граней – это язык в действии. Язык – сложный объект, понимание, определение и методы исследования которого основываются на разных его свойствах, признаках и функциях, т. е. на разных его гранях. И каждая из них – платформа разных научных направлений в лингвистике, одним из которых является теория речевых жанров» [Маслова, 2021: 6-11]. В то же время, В. А. Маслова считает, что современная теория речевых жанров не может учесть многих процессов, происходящих в речи. К примеру, многие фразы в речевом общении могут служить разным целям и решать различные задачи – так, высказывание «любопытной Варваре на базаре нос оторвали» мы можем понять как упрек и в то же время как кокетство, «в тесноте, да не в обиде» – как утешение или констатацию факта, «старость не радость» – как оправдание или порицание и т.д. в зависимости от контекста. Все это еще раз показывает нам актуальность исследования данного вопроса.

При всей цикличности видов социального контакта каждый отдельный случай общения исключителен. Эта исключительность обуславливается особенной комбинацией элементов социально-психологического климата, определяющих характер взаимоотношений конкретно этой ситуации. Рассмотрение сущности речевого жанра только лишь в русле традиционной лингвистики, на наш взгляд, не совсем удачно – ему требуется более обширный междисциплинарный анализ.

1.2. Речевой жанр «утешение»: история исследования

Возвращаясь к истории исследования речевого жанра и описания теории речевых жанров М. М. Бахтиным, определяем ключевой вопрос лингвистического изучения того времени: «Что представляет собой речевой жанр?» Придерживаясь данного положения, В. В. Дементьев, наблюдая процесс многолетнего активного развития теории речевых жанров и ее непосредственного взаимодействия с рядом смежных языковедческих дисциплин на протяжении последних 15-20 лет, предлагает несколько сместить акценты: «от каких смежных явлений должен быть отграничен речевой жанр?» [Дементьев, 2010: 143]. По мнению исследователя, история осмысления понятия речевого жанра ознаменовалась диалектическим единством двух противоположных тенденций – расширительной и сужающей [Там же: 143].

Первая тенденция исходит из последовательного расширения границ понятия «речевой жанр» и его конституциональных признаков: сторонники данного подхода подчеркивают сущностное единство жанрового типа системности со всеми другими речевыми (даже языковыми) типами, при этом именно жанровый тип системности признается базовым или родовым, что автоматически делает многие (если не все) остальные виды речевой системности (коммуникативный жанр, речевой акт, стиль, фрейм, коммуникативный концепт, тональность, многие отдельные горизонтальные и вертикальные модели организации дискурса) или вторичными / видовыми, или вообще избыточными [Дементьев, 2010: 143]. В рамках тенденции расширения многие исследователи, такие как М. Ю. Федосюк, А. Г. Баранов и С. Гайда, выделяли в общем пространстве жанров речи разные типы жанров, однако все же типологические идеи двух последних ученых не могут быть отнесены однозначно к «расширительным».

Так, М. Ю. Федосюк выделяет «элементарные» и «комплексные» жанры [Федосюк, 1997: 104]. «<...> под элементарными речевыми жанрами следовало бы понимать такие тематические, композиционные и

стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. Примером элементарных речевых жанров могут служить сообщение, похвала, приветствие или просьба. Комплексными же речевыми жанрами надо было бы считать типы текстов, состоящие из компонентов, каждый из которых, в свою очередь, обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра. Комплексные речевые жанры могут быть монологическими, т.е. включающими в себя компоненты, которые принадлежат одному говорящему или пишущему (это, например, такие жанры, как утешение, убеждение или уговоры [Федосюк, 1996: 144]), и диалогическими, т.е. состоящими из реплик разных коммуникантов (например, беседа, дискуссия, спор или ссора)» [Федосюк, 1997: 104].

Из сказанного выше становится понятно, что интересующий нас в данном исследовании жанр «утешение» относится к комплексным речевым жанрам. Как определяет Ф. Л. Косицкая, «комплексный жанр – это жанровая форма, имеющая в составе два или несколько утративших свою самостоятельность жанров (субжанров), объединенных единством цели и темы» [Косицкая, 2006: 104]. И действительно, утешение, являясь, по мысли М. Ю. Федосюка, комплексным речевым жанром, содержит в своей структуре, с одной стороны, явное или косвенное побуждение, призывающее адресата не переживать, и, с другой стороны, – аргументированное сообщение, обосновывающее это побуждение и составляющее по своей сути набор речевых тактик (РТ) [Федосюк, 1998: 68].

Говоря об истории изучения жанра «утешение» нельзя не отметить работу Н. Х. Керасиди. Исследователь обозначает, что первые появления речевого жанра в литературном пространстве из сохранившихся были в «Утешении к жене» Плутарха и «Утешении к Аполлонию» Псевдо-Плутарха. Цель автора утешительного послания заключалась, конечно, в помощи скорбящему справиться со своей бедой, задача – в убеждении скорбящего в

том, что чрезмерная печаль противоестественна и что от нее надо избавиться как можно скорее [Керасиди, 1990]. Исследователь подчеркивает, что в отечественной науке жанр утешения в древнегреческой литературе пока не рассматривался, однако ряд зарубежных ученых уже посвятил труды исследованию античного жанра: К. Буреш (1886), А. Герке (1883), О. Шанц (1889) и др. Вышеизложенные факты позволяют заключить, что исследование отдельного жанра в поле художественных произведений античности все еще необходимо в русском литературоведении.

Тему утешения в русском классицизме поднимала Н. Ю. Федунина, отмечая, что «в отличие от философии стоицизма, где существовал особый жанр консоляций, в классицизме утешение не стало ни отдельным жанром, ни даже самостоятельной темой» [Федунина, 2008: 184]. Утешение, как справедливо пишет исследователь, в классицизме не тешит и не отвлекает, не жалеет, не предлагает выплакаться, но собирает на крепкую нить стойкости, мужества, долга, высших образцов человеческого поведения. Оно направлено на восстановление мира, космоса в душе человека и в его отношениях с согражданами. [Там же: 184].

Сходные с вышеизложенными мысли мы находим и в трудах А. О. Ханского, посвященных вербальному утешению, т.е. «воздействию словом на человека с целью изменения его внутреннего состояния» [Ханский, 2001: 180]. Ученым подчеркивалось, что в историческом ракурсе проблема вербального утешения связана с изучением магической (волюнтаривной) функции языка, т.е. функции воздействия. Убеждение адресата в ненормальности его печали, как обозначала ранее Керасиди, нами понимается как направленное воздействия посредством аргументов. Ханский, рассматривая лексико-семантическое поле понятия «утешение», понимает это явление как обозначение и процесса, и результата, и средства [Там же: 180]. Наиболее емким пониманием утешения, по словам ученого, является его понимание в качестве процесса, потому как всякий процесс – это переход из одного состояния в другое [Ханский, 2002: 8]. Автор предлагает на примерах

рассмотреть то, как один элемент говорит о положительном результате утешения, а другой – об отрицательном/отсутствии одного, и представляет нам антонимические пары: хаос – порядок, пустота – наполненность, голод – сытость и др. [Там же: 8].

Несомненную ценность научных изысканий Ханского мы видим и в выделении им в работе стратегий вербального утешения на основании тех фрагментов «жизненного мира» утешаемого, в которых представлены элементы Лада как его целевого состояния [Там же: 9]. Далее будут рассматриваться авторские стратегии речевого явления с нашими примерами.

Положительная оценка самого факта наличия Разлада как исходного состояния типично для стратегии религиозного утешения, поскольку трудности в жизни человека воспринимаются им как испытания, посланные Богом для духовного становления (*«Если Бог послал Вам эти испытания, значит он знает, что Вы их выдержите»*). Реализация положительной оценки утешаемого определяет стратегию моральной поддержки – она применяется в случаях, когда сочувствующему лицу неизвестны причины печали утешаемого, например (*«Вы красивая, поэтому другим и завидно»*). Стратегия переинтерпретации представляется в положительной оценке адресанта ситуации, в отличие от ее отрицательной оценки адресата утешения – она проявляется в случаях, когда адресанту известно об адресате и его ситуации достаточно, а также при наличии необходимого авторитета утешающего, чтобы цель воздействия возымела успех у утешаемого (*«Ну и что, ведь....»*, *«Но вот зато ...»*). Стратегия смены фокуса применяется тогда, когда внимание адресата не акцентируется на имеющихся невзгодах, а предлагаются элементы Лада, выходящие за рамки описываемой ситуации (*«Порвала колготки – это бывает, но посмотри на свои яркие ботинки!»*). Эта стратегия, по мнению автора, разумно не может быть применена при действительно трагических обстоятельствах. Отрицательная оценка перспективы (при такой ситуации, когда утешающим признается ее негативность) представляется стратегией фатализма, с последующей попыткой нейтрализовать адресантом

имеющиеся элементы Разлада («*Вижу, что трудно, но надо потерпеть, ничего не сделаешь*»). От утешающего в данном случае требуется поистине философский взгляд на жизнь (или же хорошее чувство юмора), ведь от этого зависит исход ситуации. Стратегию преодоления автор выделяет в ситуации анализа происходящего участниками общения («*Успех приходит после трудной борьбы*», «*После черной полосы всегда идет белая*»). Стратегия изоморфизма предполагает наличие у адресанта речи богатого опыта, который позволил бы ему успешно создать и изложить терапевтическую метафору (очень известный термин нейролингвистического программирования). [Ханский, 2002: 9-11].

Автором помимо вышеизложенных стратегий описывается использование редуцированных форм вербального утешения (именуемых метаутешениями), а в них уже рассматриваются различные подстратегии – выражение соболезнования, значащее молчание, автоутешение [Там же: 12]. Рассмотрение стратегий утешения, по мысли Ханского, дает возможность «сформулировать наиболее общие требования, предъявляемые к утешающему» [Там же: 15].

Исследуя работы Ханского и, в частности, обозначенные им стратегии вербального утешения, нельзя не упомянуть работы А. Н. Смолиной. Они представляются нам знаковыми в истории изучения утешения как речевого жанра – в них прослеживается функционирование искомого языкового явления в церковно-религиозном эпистолярном жанре. Важность утешения в христианской культуре автор связывает с тем, что «в общении верующих утешение как коммуникативное действие становится и желательным, и должным, и, как показывает анализ писем церковных писателей-монахов, часто совершаемым» [Смолина, 2018: 37]. Новизна исследования данного явления заключается в определении особого типа речевого жанра – духовного утешения. Смолиной анализируется идейное содержание высказывания, языковые средства и демонстрируется особая природа утешения в христианской культуре (облегчение страданий, успокоение, достижение

согласия, душевного мира, истинное утешение от Бога). На основе этого автором делаются выводы о том, что этикетные единицы, с воплощаемыми в них исихастскими идеями становятся стилистическим маркером духовных утешений. Кроме того, исследователем обращается внимание на действие принципа теоцентризма: «именно проявление данного принципа определяет специфику христианского утешения. Тексты духовных утешений могут отличаться друг от друга, однако идея Божиего утешения и связанная с ней идея любви к Богу, действие принципа теоцентризма будут оставаться объединяющим началом всех содержательных типов, присутствующих в письмах монашествующих писателей» [Смолина, 2019: 101].

На функционирование этикетного диалога на примере эпистолярных произведений обращала свое внимание и А. В. Белова. В ее научной статье было установлено, что «тексты писем позволяют исследовать художественный диалог как вид целенаправленного речевого поведения с позиции теории речевых жанров» [Белова, 2016]. Исследователь также выделила речевые модели, выражающие жалобу и утешение, и предложила проанализировать их работу в эпистолярном тексте (письмах). Текст письма утешения, по словам Беловой, существует благодаря законам прагматики, оказывая на адресата необходимый эффект.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса были изучены работы в лоне других дисциплин – например, социальной психологии. Так, известный нам исследователь Н. В. Немец полагал, что именно через языковое общение реализуются основные методы психотерапевтической профилактики (несмотря на все многообразие концепций в этой среде) [Немец, 2007]. Мы согласны с исследователем в том, что явление социально-психологической помощи личности должно быть направлено на создание таких сред, в рамках которых находящаяся в некомфортных условиях личность сможет реализовать собственный потенциал для необходимой коррекции жизненных целей. Психотерапевтическая практика не предполагает грубого воздействия на

человека и образ его мыслей; однако коммуникативная цель исследуемого нами явления должна быть выполнена в рамках психоаналитической работы. Автором впервые в профессиональной практике был применен метод социально-психологической помощи адресату в виде акта вербального утешения для диспозиции модальности Я-личности у участников психотерапевтической ситуации. По словам Немца, «эффективность социально-психологической помощи в виде вербального утешения достигается включением личности в комплексную высокосодержательную совместную с психотерапевтом деятельность» [Немец, 2007]. Категория сопереживания, как замечает психотерапевт Ф. Е. Василюк, обретает особую значимость в современной психологии и психотерапии, и не только как метод познания чужого сознания, но и как самостоятельная предметная реальность (индикатор особого интереса к теме) [Василюк, 2016: 207].

Все вышеуказанное мы определяем как исключительно важный поворотный момент в истории исследования описываемого в данной работе явления. Феномен утешения очень часто становился объектом изучения различных отраслей научных знаний: философии, где средством утешения мы находим наставительную беседу; психологии с ее стремлением погрузиться в глубины человеческой души и мягко вывести на путь решения проблем; богословия, где утешение личность находит в молитве и принятии; а также ряда областей лингвистики (риторики, лексикографии, речевого этикета и др). Подробнее об особенностях функционирования утешения в социальной коммуникации мы поговорим в следующем параграфе.

1.3. Особенности утешения в русской коммуникативной культуре: по результатам изучения научных работ современных российских лингвистов

В системе жанровых форм, направленных на гармонизацию межличностных отношений, особое место занимает речевой жанр утешение, особенно значимый для русского человека, ибо установлено, что русскому

человеку искони свойственно сострадание к другим людям, душевность, «всемирная отзывчивость» [Прохоров, 2005: 59]. Значимую роль утешению для русского общества отводит и лингвист Т. Г. Рабенко – в одном из своих трудов о системе жанровых форм, направленных на гармонизацию межличностных взаимоотношений, она обращает внимание на то, что этикетный речевой жанр «утешение» занимает особое место и является весьма востребованным в русском коммуникативном поведении [Рабенко, 2012: 107].

Многочисленные социологические исследования позволяют нам представить полную картину русского этического сознания. Как отмечает Т. А. Рассадина, оно всегда полагало самой первой и высшей ценностью духовность, духовное отношение к человеку, причем происхождения понятия «духовность» непосредственно связано с деяниями Святого Духа, описанными в Библии [Рассадина, 2008: 3]. Ее мысль дополняют слова Н. А. Бердяева о том, что «русская культура ставит любовь к другому человеку выше любви к государству, нации, отвлеченной морали, к науке, цивилизации» [Бердяев, 1993: 172]. Любовь в нашей культуре является неким высшим добром, которое творит человек для другого человека, и такое отношение между людьми является не просто человеческим, а даже Божеским. Любовью, сопереживанием, добродетелью и пониманием человек строит свою жизнь, из любви рождается вера и культура духа. Ключевые качества русских, такие как жалость, сострадание (что являет собой моральную любовь к ближнему своему), терпимость и безотказность подчеркивают практически все исследователи особенностей национального характера.

Понимание духовных ценностей будет более глубоким в сопоставлении их с материальными благами в личностной парадигме русского человека. И действительно, добрые и честные взаимоотношения всегда предпочтительнее в народе нежели материальное благополучие. Исключения, конечно, встречаются, но их количество не позволяет говорить о мещанстве как о чем-то общепринятом в нашей национальной среде. Для мещанства характерно постоянное стремление создать систему личных отношений, создающих некий

комфортный мир, бастионы местничества, центры циркуляции дефицита, системы взаимной выгоды и т. д. Оно зачастую отождествляется с бездуховностью, вызывает осуждение за отсутствие интереса к вершинам культуры, за неприятие политических и нравственных течений, за склонность к утилитаризму. Свое отношение к такой ограниченности человека определенно показал А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» (1830): так, автор демонстрирует нам не красоту и роскошь светского общества, а однообразие и некую скуку, ставит акцент на тяготении «высшего света» к поведенческим и словесным клише, и делает это на примере героя N.N. – «усредненного человека». Он не именуется и не имеет отличительных черт («...Кто в двадцать лет был фронт иль хват, / А в тридцать выгодно женат; / Кто в пятьдесят освободился / От частных и иных долгов, / Кто славы, денег и чинов / Спокойно в очередь добился, / О ком твердили целый век: / N.N. прекрасный человек»). Революционное время породило еще больше критики в сторону мещанства в русской литературе – так, в поэтическом пространстве В. В. Маяковского мещанство совершенно неприемлемо, а для описания ее он использовал сатиру (как у Гоголя и Грибоедова). Для В.В. Маяковского мещанство абсолютно чуждо, в борьбе с ним он использовал сатиру, подобно Грибоедову и Гоголю, только она носила довольно жесткий характер. Поэт считал, что мещанство способно развиваться в любую эпоху (пример из стихотворения «О дряни»: «Наскоро оперенье сменив, и засели во все учреждения»). Переломный момент в восприятии мещанства наступает в послевоенный период – к 1960-м годам термин «мещанское счастье» перестал быть исключительно негативным. После Великой Отечественной войны русский народ стал ценить мирный образ жизни и простые радости. Можно сказать, что тема мещанства в русской литературе (равно как и в русском социуме) обладает динамическим смыслом.

Рассадина в своей работе показывает, что «ядро русской культуры - внутреннее преобразование личности, направленность к нравственному абсолюту, нравственный максимализм» [Рассадина, 2008: 7]. Кроме того, она

отмечает еще одну основополагающую ценность русского человека – коллективность, что знаменует победу общенародного над индивидуальным. Из отношения русских к коллективу плавно вытекает и отношение к государству как к способу организации общественной жизни. Автор обращает внимание, что исторически понятие государственной власти укоренилось в духе народа и включало «полное доверие, чувство любви к ней, верность и преданность» [Там же: 13].

Выдвинутые Т. А. Рассединой положения мы можем сравнить с результатами социологического исследования ценностей русского человека, описанными голландским социологом Гертом Хофстеде. Нижеприведенная типология кажется нам привлекательной потому, что помогает понять механизм взаимосвязи организационного поведения и культуры. Ученым она была разработана в начале 1980-х годов на материале масштабного исследования расположенных на разных континентах подразделений известной транснациональной корпорации IBM. Данная классификация считается наиболее известной и популярной за счет удачного набора универсальных параметров, пригодных для анализа культур организаций вне зависимости от страны, в которой они расположены, и более широкого культурного контекста, чем в котором они действуют.

Рассматривая иллюстрацию ниже, мы можем составить хорошее представление о глубинных движущих силах русской культуры.

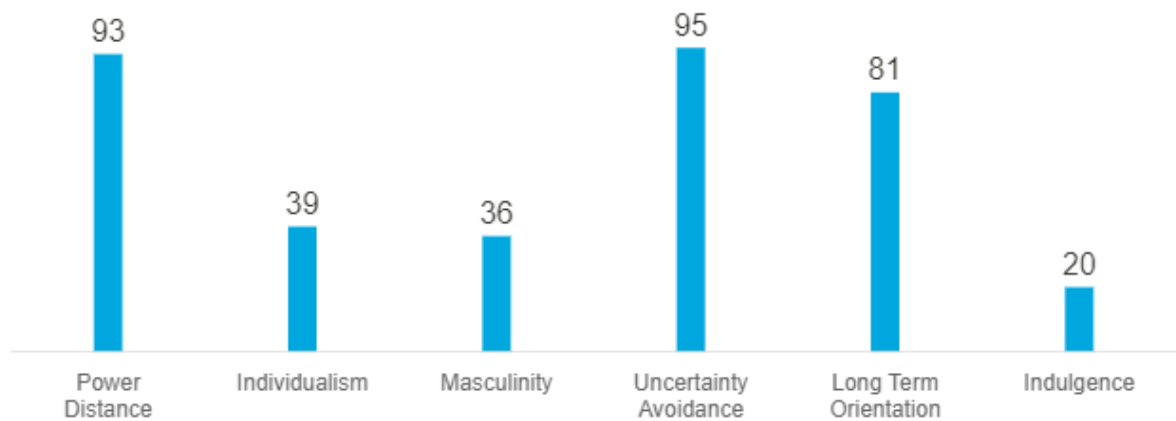

Рисунок 1. Культурные ценности русского человека

Название показателей на иллюстрации:

- Дистанцированность от власти (PowerDistance (PDI))
- Сплоченность или обособленность (Collectivism vs Individualism (IND))
- Мужественность или женственность (Masculinity vs Femininity (MASC))
- Избегание неопределённости (UncertaintyAvoidance (UAV))
- Долгосрочное или краткосрочное планирование (Long-term vs. Short-term orientation (LTO))
- Допущение (IVR)

При этом расшифровка важных для данного исследования показателей (Individualism и Masculinity) приводятся ниже на рис. 2 и 3.

Десять различий между индивидуалистскими и коллективистскими обществами

Индивидуализм	Коллективизм
<ul style="list-style-type: none"> • ожидается, что каждый несёт ответственность лично за себя и своих ближайших родственников; • «я»-сознание; • право на частную жизнь; • выражение собственного мнения считается нормальным; • отношение к другим людям как к отдельным личностям; • ожидается, что люди могут выразить своё собственное мнение: каждый голосует по своему усмотрению; • нарушение норм приводит к чувству вины; • употребление местоимения «я» необходимо; • цель образования – научиться, как учиться; • поставленная задача важнее взаимоотношений;	<ul style="list-style-type: none"> • люди рождаются в большой семье или клане, который берёт на себя их защиту в обмен на преданность; • «мы»-сознание; • подчёркивание принадлежности к группе; • необходимость сохранения гармонии; • отношение к другим людям как к членам своей, либо чужой группы; • мнения и голосование предопределяются собственной группой; • нарушение норм приводит к чувству стыда; • местоимение «я» избегается; • цель образования – научиться, как действовать; • взаимоотношения важнее поставленной задачи.

Рисунок 2. Расшифровка показателя Individualism vs Collectivism

Десять различий между феминными и маскулинными социумами

Феминность	Маскулинность
<ul style="list-style-type: none"> • между представителями двух гендерных групп наблюдается минимальная дифференциация эмоциональных ролей;	<ul style="list-style-type: none"> • между представителями двух гендерных групп наблюдается максимальная дифференциация эмоциональных ролей;

• мужчины и женщины должны быть благонравны и заботливы;	• мужчины должны быть ассертивны и амбициозны, женщины также могут быть таковыми;
• между семьёй и работой имеется равновесие;	• работа превыше семьи;
• симпатия к слабым;	• восхищение сильными;
• как матери, так и отцы занимаются как конкретными, так и эмоциональными вопросами воспитания;	• отцы занимаются конкретными вопросами, матери – эмоциональной стороной воспитания;
• как мальчики, так и девочки могут плакать, но ни тем, ни другим нельзя драться;	• девочки плачут, мальчики не плачут; мальчики должны давать сдачи, девочки не должны;
• количество детей в семье определяет мать;	• размер семьи определяет отец;
• на выборных должностях в политике много женщин;	• на выборных должностях в политике мало женщин;
• религия нацелена на людей-собратьев;	• религия нацелена на бога или богов;
• реалистичное отношение к сексуальности; секс – это форма взаимоотношений.	• моралистическое отношение к сексу; секс – это форма совершения действий.

Рисунок 3. Расшифровка показателя Masculinity vs Femininity

Мы видим, что для российского общества характерен низкий показатель индивидуализма (39%). В стране более развит коллективизм, что подразумевает отношение человека к другим людям, как к членам своей группы – отсюда и появляется сопереживание и трепетное отношение к ближнему. Отметка маскулинности так же низка (36%), хотя многие параметры типично маскулинного социального становления в стране соблюдаются. Но все же, феминность, согласно шкале, нашему обществу более характерна – она подразумевает симпатию к слабым и повышенный уровень эмоциональности по отношению к другим.

Отдельно хочется отметить еще один показатель, который мы перевели как «допущение». По сути, этот критерий – мера счастья, степень удовлетворенности простыми жизненными радостями. Мы видим, что по шкале ценностей русского человека данный критерий является самым низким (20%), отсюда исходит вывод, что наше общество довольно сдержанно и зачастую русский человек полагает, что его жизнь и эмоциональное состояние контролируют факторы извне, а не он сам. На фоне этого в обществе появляется больше поводов к жалости, утешению и состраданию.

Общие черты, обнаруженные как отечественным, так и зарубежным ученым позволяют нам без труда сделать вывод о том, что именно для русского народа является культурной ценностью и почему.

Среди современных российских лингвистов жанр утешения рассматривался очень часто. Так, в работе Ю. В. Казачковой мы находим сравнение выражений сочувствия в речи русских и англичан. Автор делает вывод, что в выражении данных высказываний реализуются общекультурные нормы [Казачкова, 2006]. И русские, и зарубежные граждане способны на эмпатию в сторону ближнего, однако внешнее выражение эмоционального состояния может различаться (открытость – сдержанность). Лингвист Н. Ю. Федунина в своей статье делала акцент на источниках горя для русского человека, говоря о важнейшей особенности русской языковой картине мира – представление о непредсказуемости мира [Федунина, 2008: 129]. Помимо этого, ей были рассмотрены пословицы, поговорки, фразеологизмы и лексемы русского языка, что подразумевает то, что «исследование культурного опыта, запечатленного в ткани языка может углубить понимание механизмов психического переживания сложных жизненных ситуаций» [Федунина, 2008: 125], в чем мы с ней не можем не согласиться. О реализации идеи гуманизма в общении врача и пациента через речевой жанр «утешение» говорит Н. Н. Кузьмина. Автором был сделан вывод о том, что в процессе утешения в такой коммуникативной ситуации регулярно используются две тактики: сближения (для преодоления дискомфорта и барьеров в общении врача и пациента) и убеждения (врачом здесь аргументируется выбор лечения и от успеха аргументации зависит результат последующего взаимодействия) [Кузьмина, 2010: 86}. Прямые и косвенные речевые акты, реализующие различные интенции (в т.ч. утешение) описываются с точки зрения речевого этикета Т. В. Нестеровой. Ей были выделены основные типы контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов и создана типология, вносящая определенный вклад в развитие теории опосредованной коммуникации, имеет культурную ценность [Нестерова, 2013]. На проявление социальной

поддержки в коммуникации обратила внимание и Е. В. Янкина. Исследователь понимает феномен социальной поддержки как «коммуникативную интенционально обусловленную деятельность субъекта (адресанта), направленная на оказание помощи, содействия адресату с целью улучшения его состояния при помощи разнообразных коммуникативных средств» [Янкина, 2014: 688]. А утешение, по мнению автора, и является собой эту социальную поддержку (адресантом оказывается помощь адресату) – с этой мыслью мы согласимся. М. Г. Клебанова в своей статье, посвященной понятиям «сочувствие», «утешение» и «успокаивание» в обиходной коммуникации русских приводит примеры речевой реализации с данными интенциями [Клебанова, 2020]. Исследователем была начата объемная работа по анализу микро- и макроречевых жанров и гибридных жанров речи, которая еще продолжается.

На актуальность проблемы изучения форм русского речевого общения обращает внимание в своей научной работе Кан Сын Мин. По его словам, иностранцам, изучающим русский язык, обычно нелегко дается понимание имплицитно выраженных толерантных форм речевого общения, с которыми они сталкиваются на всех уровнях речевой деятельности, в особенности – в реальной коммуникации с носителями русского языка [Кан Сын Мин, 2010: 3-4]. Наше мнение совпадает с мнением исследователя: иностранец действительно должен понимать и соответствующе использовать толерантные формы в соответствии с речевой ситуацией, поскольку от этого зависит исход коммуникации между людьми.

Утешение, как мы видим, неразрывно связано с самим человеческим существованием, ведь человек с давних времен находил причины для эмоционального расстройства среди незначительных пустяков и весомых горестей. В своем стремлении облегчить страдания, освободиться от тяжелого эмоционального груза и успокоиться, человек, как правило, не одинок, так как в его переживании часто задействованы другие – члены семьи, близкие, а порой и вовсе посторонние люди. Человеку стремятся помочь пережить боль,

отвлечься от страданий, а иногда и вовсе отвергают переживания в попытке открыть глаза на незначительность проблемы.

В итоге, по словам исследователя Ф. Е. Василюка, эмоциональные реакции окружающих людей оказываются действенным коммуникативным контекстом, «который вращается во внутреннюю структуру индивидуального переживания и часто оказывается решающим для его течения и судьбы» [Василюк, 2016: 205].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В данной главе нами был проведен краткий экскурс в историю изучения вопроса о речевых жанрах, в основе которого лежит исследовательский опыт М.М. Бахтина, получивший свое развитие в работах последующих поколений лингвистов. Было рассмотрено несколько определений понятия речевого жанра, что говорит о разнородности (а в некоторых случаях смежности) точек зрения на данное языковое явление.

Были выделены первичные (простые) и вторичные (сложные) речевые жанры, обозначена природа их появления. Среди классификаций речевого жанра наиболее объективной была обозначена типология Т.В. Шмелевой (четыре класса речевых жанров – информативный, оценочный, этикетный и императивный). Также мы обратились к исследованию М.Ю. Федосюка, который обозначил «элементарные» и «комплексные» жанры речи и на его основе выявили, что исследуемое нами языковое явление относится к комплексным жанрам, поскольку содержит в себе явное или косвенное побуждение адресата к действию, и, с другой стороны, - аргументированное сообщение, обосновывающее это побуждение и составляющее, по сути, набор речевых тактик. Кроме того, нами были исследованы особенности функционирования утешения в русской коммуникативной культуре и проанализирована история исследования вопроса российскими лингвистами.

Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований (в различных областях науки), многие свойства речевого жанра все еще требуют последующего рассмотрения.

В следующей главе, посвященной практическому изучению функционирования жанра утешения на материале художественных текстов, нами были выявлены особые содержательные и языковые воплощения жанра; однако следует отметить, что за основу проводимого исследования нами были положены основополагающие труды Т.Г. Рабенко и А. Н. Смолиной с выделенными классификациями, упомянутые в теоретической части работы.

ГЛАВА 2. РЕЧЕВОЙ ЖАНР «УТЕШЕНИЕ» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА: ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

2.1. Содержательные типы речевого жанра «утешение»

Прежде чем перейти к анализу вопроса об особенностях воплощения жанра «утешение» в тексте, мы рассмотрели содержательные типы, представленные в научных работах Т. Г. Рабенко и А. Н. Смолиной.

Итак, одной из главных содержательных особенностей функционирования речевого жанра «утешение» в светской коммуникации является то, что в нем реализуется идея **временности страданий**. Как правило, любое горе имеет свой срок, и если не проходит совсем, то со временем боль в душе человека понемногу утихает. Эта мысль часто встречается нами при исследовании произведений художественной литературы XX века. Так, например, в романе «Хождения по мукам» А.Н. Толстого мы встречаем следующий диалог:

«... – Может, я слышал про него. Как зовут-то?»

– Иван Ильич Телегин.

– Слышал. Постой, постой. Слышал. Он в плену, сказывали... Какого полка?»

– Казанского.

*– Ну, самый он. В плену. Жив. Ах, хороший человек! **Ничего, сестрица, потерпи. Снега тронутся – войне конец, – замиримся. Сынов еще ему народишь, ты мне поверь.**»*

Военное время – самое тяжелое для общества, и единственное, что остается неизменным в сознании людей – то, что все страшное рано или поздно должно закончиться. С этим убеждением русский человек проживал каждый свой день на передовой и в тылу, приближая победу, и эта мысль передавалась от человека к человеку как единственное уместное утешение. Подобное мы видим и в повести «А зори здесь тихие...» Б.Л. Васильева:

«Старшина достал рубашку с кальсонами, два бинта запасных, вернулся. Рита что-то пыталась сказать — не слушал. Ножом распорол гимнастерку, юбку, белье, кровью набрякшие, — зубы стиснул. Наискось прошел осколок, живот разворотив: сквозь черную кровь вздрагивали сизые внутренности. Наложил сверху рубаху, стал бинтовать.

– Ничего, Рита, ничего... Он поверху прошел: кишки целые. Заживет...»

Не всегда, конечно, утешение приносит облегчение адресату. Зачастую слова, обращенные к человеку в последнем предсмертном разговоре, являются попросту способом сместить фокус внимания на что-то положительное, пусть сказанное и не является правдой. С мыслью о том, что боль – проходящее явление и что тяжелое положение может улучшиться, страдающему легче переносить муки. Еще одним примером из повести может послужить такой отрывок:

«...Очередью из четырех стволов начисто разрезало черную фигуру, девчонки крича от восторга, целовали ее, а она улыбалась наклеенной улыбкой. Всю ночь ее трясло. Помкомвзвода Кирьянова отпаивала чаем, утешала:

– Пройдет, Ритуха. Я, когда первого убила, чуть не померла, ей-богу. Месяц снился, гад...»

В условиях военного времени женщина была поставлена в несвойственное ей положение – наряду с мужчиной ей пришлось взять оружие в руки и защищать Родину. В свете этих событий, конечно, очень ярко показан контраст женской природы – мягкой, миролюбивой и хрупкой – и свойственного времени хладнокровия и стойкости. Женщины на фронте поддерживали и успокаивали друг друга тем, что вселяли уверенность в правильности принятых в бою решений, а кроме того – мыслями о том, что необходимое бесстрашие обязательно придет с опытом.

Другой содержательный тип, который мы можем выделить на основе анализа художественных текстов, можно обозначить как **необходимость**

терпения или воспитание мужественности. Для русского человека даже в условиях переживания череды тяжелейших испытаний несвойственно было позволение себе (а зачастую и другим) проявлять слабость, признавать бессилие перед тяготами жизни. В ранее упомянутой нами повести А.Н. Толстого мы находим такой пример:

« ... Даша брала Катину слабую, худую руку и тихонько целовала.

– Катюша, Катюша, – говорила она, глядя на свет заката, проступающий между ветвями, – ты помнишь:

О, любовь моя, незавершенная,

В сердце холодеющая нежность...

Я верю – если мы будем мужественны, мы доживем до такого времени, когда можно будет любить, не думая, не мучаясь...»

Облегчение и адресату, и адресанту здесь приносят убеждения в собственных силах перед испытаниями, принесенными войной. Несмотря на природную женскую беззащитность и пугливость, героини романа видят необходимость в развитии этой самой мужественности и стойкости, которые несмотря ни на что помогут выстоять в трудные моменты и подарят рано или поздно душевное успокоение. То же самое мы видим и в следующем отрывке:

« ... Прижавшись щекой к ее плечу, Екатерина Дмитриевна говорила:

– А у меня, Данюша, такая горечь, такая темнота на сердце, совсем оно стало старое. Ты увидишь хорошие времена, а уж я не увижу, отцвела пустоцветом.

– Катюша, стыдно так говорить.

*– Да, девочка, **нужно быть мужественной.**»*

Здесь, помимо наставления, мы находим и попытку пристыдить адресата. Как и говорилось нами ранее, русскому человеку чуждо было самокопание и неоправданная жалость к себе. Единственной уместной реакцией на тяготы жизни были терпеливое принятие действительности и обретение внутренней стойкости.

В повести «Завтра была война» Б.Л. Васильева мы встречаем такой пример данного содержательного типа:

«...Эти дни Искра жила, не замечая ни времени, ни окружающих. Не могла ни читать, ни заниматься, и, если оказывалась без дела, бесцельно слонялась по комнате.

– Пора брать себя в руки. Искра, – сказала мать, наблюдая за нею.

– Конечно, – тут же бесцветно согласилась Искра. Она не оглянулась, и мать, украдкой вздохнув, с неудовольствием покачала головой.»

Несмотря на понимание той непростой ситуации, в которую попала дочь, мать не видит иного выхода из замкнутого круга страданий, кроме как в продолжении жизнедеятельности и обретении внутренней независимости от горя. Слова, приведенные нами в качестве еще одного примера, подтверждают эту мысль:

«...Мать грустно покивала. Потом сказала:

*– К горю трудно привыкнуть, я знаю. **Нужно научиться расходиться, чтобы хватило на всю жизнь.**»*

Еще одним примером может послужить такой фрагмент диалога из этой же повести:

«– Уходить надо, – шепнул Валька. – Мешаем. Артем зло глянул на него, глубоко вздохнул и решительно шагнул к Люберецкому. Положил руку ему на плечо, встряхнул:

*– Послушайте, это... **нельзя так! Нельзя! Вика вас другим любила. И это... мы тоже. Нельзя так.**»*

Действительно, тяжесть такого испытания (смерть дочери) понятна любому, даже не столкнувшемуся с этим лично. Однако адресант предпринимает попытку утешить и вразумить адресата через отрицание слабости как единственного выхода из ситуации.

В повести «А зори здесь тихие...» мы обнаруживаем следующий пример упомянутого содержательного типа:

«Судорожно всхлинула сзади Женька, Старшина свинцово полоснул из-под бровей:

– Некогда трястись, Комелькова. И, пригнувшись, быстро пошел вперед, чутьем угадывая слабый рубчатый отпечаток...»

Адресант прекрасно понимает правила суровой реальности, которые устанавливает военное время, а помимо этого видит и тяжелейший осадок в душах своих бойцов от потери боевых друзей. Но проявленный страх и бессилие перед ужасами войны в понимании русского человека представлялось потерей самоконтроля и боевого духа. В такое тяжелое время единственно верным решением было оставить слезы и взять себя в руки, чтобы противостоять врагу. Здесь же мы находим еще один диалог:

«...Запал для второй гранаты и патроны для нагана мелочью были. Но граната без запала – просто кусок железа. Немой кусок, как булыжник.

– Нет у нас теперь артиллерии, девоньки.

С улыбкой сказал, чтоб не расстраивались. А они, дурехи, заулыбались в ответ, засияли.

– Ничего, Федот, отобьемся!»

Утешение, которое прозвучало из уст девушек-бойцов здесь приняло формы речевого жанра «ободрение». Поднятие командного духа как никогда требовалось в самых безвыходных, казалось бы, ситуациях. Каждый участник диалога чувствовал свою причастность к происходящему и стремился утешить ближнего идеей о силе, рождающейся из сплоченности, дружности.

В повести В.В. Быкова «Сотников» нам встречается следующий пример:

«... – Да, знаешь, так лучше будет, – заметно обрадовался Рыбак. – А мне надо... Только где тот чертов лес, не пойму. Заблудились мы.

– Спросить надо.

– Спросим... А ты это, потерни пока. Потом, может, переправим куда-нибудь. Понадежнее.»

Не каждый человек способен мужественно терпеть физическую боль. Однако, рано или поздно приходит понимание необходимости принятия этой

боли как испытания – временного, и терпение с надеждой на скорейшее облегчение принесут свои плоды.

Разбирая представленный содержательный тип, мы обнаружили еще один пример из романа «Хождения по мукам»:

«... – Дуничка, Николай Иванович мне сказал, что ты невеста. Правда это? Бедненькая. – Она взяла Дашину руку, поцеловала и, положив на грудь, стала гладить. – Я верю, что Иван Ильич жив. Если ты его очень любишь – тебе больше ничего, ничего на свете не нужно.»

В данном примере содержится скрытое побуждение адресата к терпению и вере. Героиня успокаивает собеседницу идеей о том, что ее чувства к Ивану Ильичу помогут пережить сердечные муки, ожидания неизвестного, и даже, может быть, приблизят его возвращение домой.

В рассказе А.Н. Арбузова «Под колесами знаменитости» нами был выделен такой отрывок:

«– Я к вам по поручению. Вы женщина интересная, вам некогда мужскими делами заниматься, да и не свойственно, а тут у меня полный набор инструментов, давайте я вам починю что-нибудь.

– То, что у меня сломалось никаким инструментом не починишь.

– Понимаю, у вас горе, но надо жить, надо как-то дальше жить.

– Для кого?

– А знаете, есть для кого. Видите ли какая штука, у нас на телевидении очень заинтересовались вашей историей.»

Основная идея, фигурирующая в данном примере – донесение до адресата необходимости преодоления горя через принятия его неизбежности.

Еще один содержательный тип был обозначен нами как **умаление тяжести испытаний**. В современном обществе примеры данного содержательного типа могут быть восприняты как обесценивание, однако выделенные нами материалы из произведений XX века доказывают, что не всегда такое утешение воспринимается адресатом негативно, ведь

действительность человека очень разнообразна, как разнообразны и поводы для его страданий.

В пьесе «Старший сын» А.В. Вампилова мы находим следующий пример выделенного содержательного типа:

«НИНА. Не знаю я. Ничего не знаю... Может, согласится, а может, уедет. Встретимся – поговорим. Сейчас мне как-то все равно.

БУСЫГИН. Ну и не расстраивайся. Кому-кому, а тебе стоит только свистнуть, сбежится столько парней - тебе придется складывать их в штабеля».

Очень ярко здесь показана незначительность повода для печали адресата (девушки) через сравнение ее качеств с качествами других девушек в пользу первой. Еще одним примером может послужить отрывок из упомянутой нами повести «Сотников»:

«...Бася, вскочив, стояла на середине камеры, закрывая собой светлый квадрат окна. Она вся тряслась от испуга.

– Они же кусаются. Они же ножки мои обгрызли. Я же их страх как боюсь. Дяденька!..

*– **Ничего, не бойся. Крысы что? Крысы не страшны. Укусят, ну и что? Такой беды! Иди вон в мой угол, садись. И я тут... Я их, чертей!..»***

Здесь мы так же видим ничтожность повода для испуга героини и предпринятую попытку утешения через описание незначительности последствий.

В повести «Ночь после выпуска» В.Ф. Тендрякова находим следующий пример:

«Нина Семеновна, комкая платочек, прерывисто вздохнула:

– Все о Юлечке думаю, и вот стало так жаль...

Директор Иван Игнатьевич укоризненно покачал головой:

*– **Бросьте-ка, бросьте! Юлию Студёнцеву жалко. Не страдайте за нее. Девуца настойчивая, сами знаете, свое возьмет.»***

Адресант здесь предпринимает попытку успокоения через призыв «не стоит страдать», показывая, что действительность к объекту жалости на самом деле благосклонна. Такой же способ воздействия мы встречаем и в отрывке из повести «Завтра была война»:

«Пожилая историчка вдруг громко всхлинула. Замахала руками, полезла за платком:

– Извините, Николай Григорьевич. Извините, пожалуйста.

– Не расстраивайтесь, Татьяна Ивановна, были бы бойцы, а командиры всегда найдутся. А в этих бойцов я верю: они первый бой выдержали. Они обстрелянные теперь парни и девчата, знают почему фунт лиха.»

Несомненная вера в правильность выбранного жизненного пути (и своего, и своих учеников) дает адресанту право ободрить этим высказыванием всех, кто пребывает в неуверенности и страхе перед большим будущим.

В повести «А зори здесь тихие...» находим следующий пример:

«– Влюбилась! – торжествующе ахнула Кирьянова. – Втюрилась наша Бричкина, девочки! В душку военного втюрилась!

– Бедная Лиза! – громко вздохнула Гурвич. Тут все загалдели, захохотали, а Лиза разревелась и убежала в лес.

Плакала на пеньке, пока ее не отыскала Рита Осянина.

– Ну чего ты, дурушка? Проще жить надо. Проще, понимаешь?»

Такое, на первый взгляд, несвойственное в военное время явление – влюбленность – нередко описывается в литературе той эпохи. И здесь мы видим утешение страдающей героини посредством обращения внимания на незначительность повода для ее горечи. Следом выделяем еще один отрывок:

«...Помог встать. Назад было повел, на полянку, а Женька шаг сделала, остановилась и головой затрясла.

– Брось, – сказал он. – Попереживала, и будет. Тут одно понять надо: не люди это. Не люди, товарищ боец, не человеки, не звери даже – фашисты. Вот и гляди соответственно.»

В этом примере, несомненно, оправдана тактика обращения внимания адресата на действительность: на войне люди делятся на «своих» и врагов. Еще один пример из повести иллюстрирует выделенный содержательный тип:

«– Вот так. А что до трусости, так ее не было. Трусость, девчата, во втором бою только видно. А это растерянность просто. От неопытности. Верно, боец Четвертак?»

– Верно...

– Тогда и слезы и сопли утереть приказываю.»

Как мы замечали ранее, русский человек склонен стыдиться своей слабости перед жизненными трудностями. Здесь же мы видим явление исследуемого речевого жанра в виде ободрения адресантом своих бойцов.

При изучении материалов нами был выделен и еще один содержательный тип, который мы можем обозначить как **общность страданий**. Зачастую утешением для человека является осознание того, что в своем несчастье он не одинок. В первой главе нашего исследования было замечено, что показатель индивидуализма у русского человека довольно низок – и это побуждает его чувствовать единение с другими людьми и в горе, и в радости. Примером данного содержательного типа может послужить отрывок из пьесы «Старший сын» А.В. Вампилова:

«...Входит Васенька с бутылкой водки, стаканами. Ставит все на стол. Он смущен и растерян.

СИЛЬВА (наливает). Да ты не расстраивайся! Если разобратся, у всех у нас родни гораздо больше, чем полагается... За вашу встречу!»

В повести «Завтра была война» тоже встречаем пример выявленного содержательного типа:

«– Я дура, девочки, – с искренним отчаянием призналась Лена. – Я дура и трусиха ужасная. Я сказала так потому, что не знаю, что нам теперь делать.

– Все мы дуры, – вздохнула Зина. – Только умнеть начинаем.»

Еще одним примером нам послужат два фрагмента из повести «Ночь после выпуска»:

1. *«...На скамье под освещенными липами металась Натка, каталась лбом по деревянной спинке:*

– Он!.. Он!.. Я же его люблю, а он!.. Сам-кой! О-о-о!..

Вера Жерих топталась над ней:

– Наточка, он же не только тебя, он всех... И меня тоже... А я, видишь, ничего...»

2. *«– Что с вами, Нина Семеновна?*

– Да так, ничего.

Ольга Олеговна устало опустилась рядом с Ниной Семеновной:

– Сегодня нам всем не по себе...»

Иногда фраза, несущая в себе такой смысл: «я тебя понимаю, потому что переживаю то же самое» сразу же помогает человеку выйти из состояния уныния или хотя бы попытаться здраво оценить действительность. В приведенных нами примерах мы и наблюдаем принцип действия этой закономерности.

Нельзя не отметить, что при описании речевого жанра «утешение» посредством выделения его содержательных типов мы можем наблюдать функционирование нескольких данных типов в пределах одного текста – как самостоятельно, так и в связи с другими типами. А.О. Ханский, исследуя феномен вербального утешения, упоминал «возможность их перехода друг в друга, редуцирование в различных формах» [Ханский, 2002: 5]. В качестве примера рассмотрим отрывок из рассказа «Сугробы» А.В. Вампилова:

«... Зарипычу стало ее жалко. Как успокоить человека, он знал хорошо, потому что сам нуждался в утешении.

– Чего убиваться? – начал он строго. – Со всяким бывает. Бывает и проходит. И у тебя пройдет. Еще, гляди... свидитесь... А куды вы денетесь?»

Здесь мы обнаруживаем функционирование двух содержательных типов: **временности и общности страданий**. Нам известно, что адресант и сам переживает боль, подобно героине, следовательно, может оказать качественную поддержку.

Еще одним примером может послужить фрагмент из ранееупомянутой повести «Ночь после выпуска»:

«Все молчали, рассеянно глядели каждый в свою сторону.

– Молоды вы еще, очень молоды! – вздохнул Иван Игнатьевич. – Кто из нас в молодости не мечтал великана в мир выпустить из своих рук!»

В этом отрывке мы находим содержательный тип **умаления тяжести испытаний и общности страданий**. Адресант обращает внимание на возраст участников диалога (в данном случае это говорит о незначительности принимаемых близко к сердцу бед), а также упоминает, что в молодом возрасте едва ли не каждый учитель мечтал воспитать достойнейших учеников (что указывает на схожесть амбиций в этом вопросе).

Разнообразие содержательных типов, выделенных нами в данном параграфе, позволяет говорить о разноплановой природе утешений. И правда, русская коммуникация позволяет применять различные техники для достижения наилучшего результата – воздействия на адресата с возможностью последующего изменения им отношения к ситуации в целом.

Об особенностях языкового воплощения жанра мы поговорим в следующем параграфе.

2.2. Языковые особенности речевого жанра «утешение»

Наиболее точно **морфологические особенности** воплощения исследуемого жанра охарактеризовала Н. И. Формановская: так, лингвист отмечает, что наиболее частотным способом выражения утешения является использование «фраз, сформированных повелительным наклонением глагола, содержательно соответствующего данной ситуации» [Формановская, 2009: 298]. В нашем случае обнаруживаем следующие самые часто встречающиеся

глаголы: *утешься, крепись, потерпи, брось, оставь, бросьте/бросьте (унывать), приободришь, мужайся и т.д.* Подкрепим примерами из текстов:

1. 1. «– **Бросьте** вы унывать, лейтенант.» (В. В. Быков «Утро вечера мудренее»)

2. «Натали: Софи! **Оставьте**, ну полно, душа моя... (М. М. Роцин «Пьеса о Лермонтове»)

3. «Подполковник подошел ко мне и тихо говорит: «**Мужайся, отец!** Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее.» (М. А. Шолохов «Судьба человека»)

4. «Варкин подошел к молодому солдату и, отирая ему слезы краем простыни, сказал: – **Утешься, Ваня!** Гроб мы Чирикову заготовим и похороним с честью.» (С. Т. Григорьев «В Октябре»)

5. «Ничего, **крепись**, Федор, в МТС большие дела начинаются. У тихого сельца Кайгородище рабочий поселок вырастет...» (В. Ф. Тендряков «Не ко двору»).

В паре с императивом нередко появляется отрицательная частица *не*, образуя такие конструкции: *не расстраивайся, не плачь, не думай, не горюй, не принимай (близко к сердцу), не реви, не бойся, не страдай, не переживай и т.д.* Примерами могут послужить следующие фрагменты:

1. «– Пойдем, Зина. Прости нас и **не реви.**» (Б. Л. Васильев «Завтра была война»)

2. «– **Не расстраивайся.** Не надо. Никакие они не злые, они – психи. У меня такая же.» (В. М. Шукшин «Чудик»)

3. «...Я знаю – утешать напрасно ... Но – возьми, возьми мою жизнь, и **не страдай**, Петер...» (А. Н. Толстой «Петр Первый»)

4. «– А чего ты решил, что я помираю? Я еще тебя переживу. Переживу, Ваня, **не горюй.**» (В. М. Шукшин «Хозяин бани и огорода»)

5. «... – Все, все, хорошая, живи, **не бойся...**» (М. М. Роцин «Эшелон»).

Иногда фраза, где есть императив с отрицательной частицей сильно отличается по тональности от фразы, где частица эта отсутствует. В первом случае слова утешающего граничат практически с запретом, приказом за счет резкости и бескомпромиссности («*не реви*», «*не думай*») но все еще остаются утешением – за счет контекста. Второй случай высказывания может восприниматься «мягче», поскольку мы видим интенцию говорящего искренне помочь, облегчить сердечные муки человека. Также утешение в литературе выражается одной из форм повелительного наклонения глагола – формой совместного действия – *прорвемся, переживем, справимся*; с ее помощью автор высказывания демонстрирует свою причастность к происходящему и готовность содействовать в помощи (как эмоционально, так и физически):

1. «... – *Самой умереть хочется. Куда это всё идёт?*

Настенька подбодряла: – Прорвёмся и к светлому, мамочка!»
(А. И. Солженицын «Настенька»)

2. «– *Ладно, переживём как-нибудь, – утешил его Виктор Семёнович. Но переживать было трудно.*» (В. П. Крапивин «Трое с площади Карронад»)

3. «... *Слишком любила и слишком баловала, ну да Бог с ним, справимся. А вам общество нужно, милые вы мои дети, а особо тебе и Машеньке.*» (Б. Л. Васильев «Были и небыли»).

В утешительных конструкциях нередко встречаются и глаголы изъявительного наклонения *бывает, пройдет, будет*:

1. «*С и м а. Ну а чего ты? Ты из-за ребеночка своего расстраиваешься? Пройдет. Они, маленькие, всегда болят.*» (М. М. Роцин «Спешите делать добро»)

2. «– *Попереживала, и будет. Тут одно понять надо: не люди это*»
(Б. Л. Васильев «А зори здесь тихие...»)

3. *Г у б е р т. Подожди, Ганс, не путай... (Встает, принимает лекторский вид. Марте.) Не расстраивайтесь, с мужчинами это **бывает.**» (М. М. Роцин «Галоши счастья»)*

4. *«– Не успел родиться - и уже сирота. Ни отца, ни матери.
– **Бывает,** – вздохнул Кулеш. – Это теперь просто.» (В. В. Быков «Волчья стая»).*

Их использование обуславливается желанием говорящего обратить внимание на то, что трудности в нашей жизни постоянны, и поводы для расстройств порой бывают не так весомы, как это представляет себе утешаемый.

Предложения с наречием тоже функционируют в тексте:

*«– Где мы есть-то? Живые мы, нет? – Однако, что, неживые.
– **Ну и ладно.** Вместе — оно и ладно. Че ишо надо-то?
– Мальчонку бы только как отсель выпихнуть. (В. Л. Распутин «Прощание с Матерой»)*

Говоря о частицах, присутствующих в конструкциях утешения, помимо упомянутой нами ранее следует отметить формообразующие (*пусть/пускай, давай(-те)*):

1. *«– **Давай,** сынок, это ничего. Это полезно, – миролюбиво сказал отец.» (В. М. Шукшин «Игнаха приехал»)*

2. *«**Пусть** Стеша теперь неласкова, **пусть** недовольна мужем, **пусть!** Он перетерпит.» (В. Ф. Тендряков «Не ко двору»).*

Еще встречаются смысловые – *да, ладно, будет, ничего*:

1. *«– **Ладно,** бабушка... – Она вдруг забылась, что она из «райсобеса», подошла к старушке, села рядом, умело как-то – естественно, просто – обняла ее и приголубила.» (Там же)*

2. *«**СИЛЬВА** (наливает). **Да** ты не расстраивайся! Если разобраться, у всех у нас родни гораздо больше, чем полагается...» (А. В. Вампилов «Старший сын»)*

3. *«– Ты прости, Петро.*

– Да будет! Заведи-ка еще разок свою музыку, хорошая музыка.» (В. М. Шукшин «Калина красная»)

4. «– **Ничего**, Любаша!.. Все будет в порядке!» (Там же)

Эти частицы в утешительных конструкциях служат прежде всего для усиления положительного воздействия на адресата.

Обратим внимание и на присутствие в текстах междометий *эх, ох, ах, эй, ой, ай, аюшки, оюшки* и др.:

«– **Эх**, тяжело тебе, понимаю, – посочувствовал Алексей. – И деньги, они, конечно, тоже играют роль. У меня тут есть несколько книжек... продай, часть себе возьмешь, пополам.» (Ф. В. Кормер «Наследство»)

Наличие междометий в утешении обусловлено эмоциональностью высказывания; утешающий вовлечен в проблему собеседника, реагирует непринужденно и открыто.

Иногда утешение оформляется с помощью глагола *прошу* (что, конечно, соотносит его с просьбой) и следующих за ним частей речи (например, *успокаиваться/успокоиться*). Пример:

«А... а! уже? Вот и слезы... **Прошу успокоиться**. Я сейчас, сейчас... где тут что у меня?» (Ю. И. Юркун «Софья-Доротея»)

Также мы обнаруживаем наличие в утешительных высказываниях существительных абстрактного значения *ерунда, пустяки*:

1. «... Привыкнув к неожиданностям своей жизни, она была готова ко всему. Но Василек, взяв себя в руки, сказал, что все **пустяки**, все пройдет и все обойдется» (М. М. Зоценко «Возвращенная молодость»)

2. «– Ничего, ничего, – гудел он негромко. – **Ерунда** это... Штыком насквозь прокалывали, и то оставались жить. Через неделю будешь прыгать...» (В. М. Шукшин «Калина красная»)

3. «– **Пустяки**, – забормотал он, виновато краснея, – веткой задело. **Пустяки**. Вы не беспокойтесь. Я не знаю, почему упал...» (В. Г. Распутин «Я забыл спросить у Алешки»)

4. «...Галина Дмитриевна. Федор Карлыч! Ну не обращайтесь внимания! Доктор!.. Ох, Нина!

Нина. Да чего я-то?

Федор Карлыч. **Пустяки, пустяки**, я не обижен...» (М. М. Роцин «Эшелон»).

Почти не встречаются нами существительные конкретного значения в утешительных конструкциях. Из немногочисленных примеров можем привести отрывок из драмы «Гнездо глухаря» В. С. Розова:

«– ...ничего страшного не произошло, все выяснится. Какая-то **ошибка**, это ясно...»

К лексическим особенностям речевого жанра утешения мы можем отнести использование **эмоционально-экспрессивно окрашенной лексики**. Из таких языковых единиц следует выделить глаголы, используемые с частицей *не* (*не волнуйся, не тревожься, не сердись, не огорчайся, не беспокойся, не раздражайся, не заводись, не кипятись, не злись, не нервничай, не паникуй, не бойся, не майся, не суетись, не переживай, не горячись, не упрямысь, не расслабляйся, не тужи, не плачь, не горюй и других*). Приведем примеры:

1. «...Ну **перестань, перестань, не заводись**. Никуда она не денется. От меня еще позвоним. Идем! [М. М. Роцин «Валентин и Валентина»]

2. «– **Не тужи**, Фатима, мы им рога обломаем, будь покойна.» (Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго»)

3. «Петер – сказала мать отцу уже после того, как я родился, – «**не горюй**. Я забыла завязать нитку на прялке. Значит, сын принесёт нам счастье»» (К. Г. Паустовский «Орест Кипренский»).

Регулярно также функционирование глаголов без отрицательной частицы (*крепись, бодрись, приободрись, держись, мужайся, умудряйся, соберись, старайся, терпи, потерпи и других*). Примеры выделяем следующие:

1. «...Она стиснула зубы, расширенные зрачки ее помутились: — Не могу... — **Мужайся!** Ты... Анна, слышишь? Слышишь?..» (М. А. Шолохов «Тихий Дон»)

2. «...Он как-то устал вдруг. — **Соберись, Игорь.** — Все будет в порядке. Не бойся.» (В. М. Шукшин «Приезжий»)

3. «— **Потерпи, Егорушка...** милый. Счас доедем до больницы.» (В. М. Шукшин «Калина красная»).

Встречаем в художественных текстах глаголы второго лица, использующиеся в сочетании с личными местоимениями *ты, тебя, мы, нас, нам* (*ты справишься, у тебя получится, ты выдержишь, ты выступишь, ты добьешься, ты сумеешь, ты сможешь, тебе удастся, ты сделаешь, ты достигнешь, ты докажешь, тебе повезет, мы справимся, мы сделаем, мы добьемся, мы выдержим, мы выстоим, мы сможем, у нас получится, нас не сломит, нам удастся, нам повезет, нам посчастливится и другие*). Рассмотрим такие примеры:

1. «Тогда приятным и звучным голосом девушка запела: **Нас не сломит** нужда, не согнет нас беда...» (Я. Ларри «Страна счастливых»)

2. «— Не унывай! **И тебе повезет.** Чухарев отошел от приятеля и торопливо побежал домой.» (А. Е. Зарин «В поисках убийцы»)

3. «У нас ведь будет ребеночек. Так что ты у нас теперь милый папочка, знай. Не бойся, **мы выстоим.** А тебя никогда больше не будем обижать, будем только любить.» (В. Д. Дудинцев «Белые одежды»).

Среди эмоционально-экспрессивно окрашенной лексики в ситуации утешения очень регулярно использование *прилагательных* (с суффиксами -еньк) — *бедненький/бедненькая, миленький/миленькая* и другие. Примеры приводим следующие:

1. «— **Бедненький,** — вздохнула я. — Как я вас понимаю! Вот и наша компания тоже решила здесь спрятаться. Подумать только, что приходится иногда терпеть.» (Н. А. Тэффи «Моя летопись»)

2. «... Она споро и умело перевязывала раненых лоскутами их же рубах и остатками своих нижних юбок, не забывая бормотать притом такие женские и такие нужные солдатам слова: – Потерпи, миленький, потерпи...» (Б. Л. Васильев «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт»)

3. «– Ч-черт!.. Нонна Юрьевна тихо засмеялась.

– Вам смешно, а я рассадил ногу.

– **Бедненький.**» (Б. Л. Васильев «Не стреляйте в белых лебедях»).

Замечаем присутствие в текстах в качестве лексической особенности просто качественные прилагательные *милый/милая, бедный/бедная, несчастный/несчастливая, страдающий/страдающая, горемычный/горемычная, сердечный/сердечная* и другие; обратим внимание на следующие примеры:

1. «– **Бедная** моя, бедная, – сказал я ей, – я не допущу, чтобы ты это сделала.» (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

2. «– **Маратик, потерпи,** – говорил другой голос, женский. – Потерпи, **милый,** папа ведь...» (В. О. Пелевин «День бульдозериста»)

3. «... **Олег, милый, бедный** мой Олег, крепись: у тебя нет больше брата. Всеволод уже скоро два года как погиб на Волховском фронте... (О. В. Волков «Из воспоминаний старого тенишевца»).

4. «Ты, стало быть, все время в плену была? Ах ты, моя **сердечная, горемычная**... больна, стало быть?» ((Ф. Ф. Тютчев «На скалах и долинах Дагестана»)

Еще один пример с частотным существительным *бедняга, бедняжка, страданица/страдалец*:

1. «– Бедная ты моя **страданица,** святая душа, – повторял он изредка, мягко и осторожно кладя свою сморщенную ладонь на голову молодой женщины, – не бойся, все грехи твои давно отпущены за великие твои страдания.» (Ф. Ф. Тютчев «На скалах и долинах Дагестана»)

2. «– Бедная Лидочка Алексеевна! – слышу я тихий голос Вити. – **Бедняжка** моя!» (Л. А. Чарская «Мой принц»).

Встречаем в текстах устойчивые выражения (*Бог терпел и нам велел; терпи, казак, атаманом будешь; держи хвост пистолетом; держи хвост морковкой; держи хвост крючком; держи хвост крючком, а нос пяточком; держи себя в руках; будь, что будет; была не была; горе не беда; все пройдет, скрепя сердце, все перемелется и другие*), пословицы и поговорки (*дело мастера боится; учиться всегда пригодится; лиха беда – начало, слезами горю не поможешь, нет худа без добра, хорошо там, где нас нет, суженого конем не объедешь, и другие*). Примеры рассмотрим следующие:

1. *«Мать причесывает четырехлетнюю Люду и нечаянно дергает ее волосы гребнем. Люда хнычет, готова заплакать. Мать говорит в утешение: – **Терпи, казак, атаманом будешь!**»* (К. И. Чуковский «От двух до пяти»)

2. *«Он ударил ладонью по её плечу и бодро воскликнул: – Не трусь, детка! **Держи хвост пистолетом!**»* (В. П. Аксенов «Звездный билет»)

3. *«Горянин пожал плечами и, смеясь, ответил: – Ну, моя милая, **суженого конем не объедешь.**»* (А. Е. Зарин «В поисках убийцы»)

4. *«Я жадно выхватил все эти сокровища из ее рук и утешил ее. – А ты не плачь. Слезами горю не поможешь, – повторил я слова, которые часто слышал от взрослых.»* (Ф.В. Гладков «Повесть о детстве»).

Выявляя особенности светского утешения, нельзя не отметить, что художественным текстам присуща **образность**. Как правило, она создается с помощью эпитетов, парцелляции, устойчивых выражений, риторических вопросов, анафорического повтора, сравнений, реже – эллипсиса. Эпитет мы встречаем в следующих примерах:

1. *«КУДИМОВ. Ну что же. Уж лучше **горькая правда**, чем такие вещи.»* (А. В. Вампилов «Старший сын»)

2. *«...– Так в чём дело, дядя? **Держи и не выпускай!** Всю жизнь потом себе не простишь, увидишь! На всю жизнь **кислым** останешься!»* (М. М. Роцин «Валентин и Валентина»).

Функционирование этого тропа в утешительных речах объясняется желанием и целью утешающего наиболее глубоко воздействовать на

психологическое состояние утешаемого, и эта цель, как нам кажется, действительно достигается в большинстве случаев. Исследуемый нами речевой жанр, как было сказано не раз, имеет свою тонкую природу, оно требует деликатности в использовании и в то же время точности – благодаря использованию эпитета в речи адресанту выпадает возможность красочно описать перспективы как негативного восприятия утешаемым ситуации, так и позитивного. Пример *парцелляции* мы можем увидеть в следующем отрывке:

*«– Конечно, жалко ... кто говорит. Но вить ничем теперь не поможешь. **Изведешься**, и все. И сам ноги **протянешь**. Терпи.»*
(В. М. Шукшин «Горе»)

Устойчивые выражения тоже довольно регулярно встречаются в утешительных высказываниях. Приведем несколько примеров:

1. *«– Ау, милая, **слезами горю не поможешь**. Не плачь! Не надо!»*
(С. Т. Григорьев «Тысяча женихов и невест»)

2. *«– Ладно, **не вешай нос**, – громко сказал Виктор, – коли ты решил, за мной дело не станет.»* (Д. А. Гранин «Искатели»).

Устойчивые выражения, укрепившиеся в русском менталитете, играют важную роль в утешительном высказывании. По сути, сама устойчивая фраза уже является предельно емкой, способной воздействовать на человека должным образом. Еще одно явление фигуративного синтаксиса – *риторический вопрос* – помогают осознать несерьезность принимаемых на душу утешаемого терзаний:

*«– Ты только не реви... Моду взяли: чуть чего, так реветь сразу. Не можешь – значит, не можешь. **Чего плакать-то?** Не говори никому, что я был у тебя.»* (В. М. Шукшин «Нечаянный выстрел»)

Анафорический повтор служит в тексте для усиления эмоционального воздействия на адресата; его мы увидим на следующем примере:

*«– **Это** ничего, **это** пройдет, - успокоил ее Левчук. – У меня у самого оркестр играет. Так весело.»* (В. В. Быков «Волчья стая») – *многосоюзи*.

На самом деле, второй по частотности троп после эпитета – это *сравнение*:

«Ну, ладно, хватит. Как мышь на крупу надулся. Ну, что снилось сего дня, а?» (Н. В. Коляда «Рогатка»)

Лингвистический статус сравнения спорен – некие исследователи относят сравнение к тропам, говоря о том, что большую роль играет значение слов. Мы согласны с этой мыслью.

Отдельно рассмотрим пример с *эллипсисом* (как мы уже отметили ранее, эта фигура речи редко встречается в исследуемых текстах, однако имеет место быть):

«М а т ь. Аля!.. Аля, ты прости, ты должна простить меня!.. Ты слышишь?.. Аля, я никогда... я тебя пальцем ни разу в жизни, ты знаешь...» (М. М. Роцин «Валентин и Валентина»)

Емкость мысли, получающаяся за счет исключения слов, оказывает позитивное влияние на эмоциональное состояние человека.

Необходимо еще рассмотреть специфику бытования *синонимов/антонимов* в конструкциях утешительных высказываний. Для начала приведем примеры семантических синонимов:

1. *Не плачь! Не надо! Буду тебя любить и лелеять.* (С. Т. Григорьев «Тысяча женихов и невест»)

2. *«...Милый, хороший наш жаворонок, – заговорила наконец сизокрылая ласточка, – не плачь... (В. П. Андреевская «Вечерние досуги»)*

3. *«Ш а м а н о в а (ей все труднее и труднее казаться равнодушной). Все пройдет, все забудется - слышите?» (А. Н. Арбузов «Таня»).*

Рассмотрим и пример с антонимами:

«...Плачь, плачь! Это светлые, блаженные слезы счастья. Последние слезы суровой зимы и первые слезы, та-ра-ра, любви. (В. П. Катаев «Миллион терзаний»)

Использование в речевом жанре синонимичных и антонимичных слов связана с коммуникативной интенцией утешающего. Они помогают выразить

сочувствие более эмоционально, экспрессивно и показывают уверенность автора в высказываемом им суждении.

В завершение сказанного необходимо добавить о важности фигурирования *интертекстом* (*нам ли быть в печали?, есть только миг, и в летний сад гулять водил и другие*). Приведем пример:

– *Он работал, несмотря на то что Катюша стала похожа на тень и чувствовала себя все хуже и хуже.*

– *Это Чехов. «Цветы запоздалые». Княжна Маруся день ото дня чувствовала себя хуже и хуже, а доктор не обращал на нее никакого внимания.»*

– *<...> Таланту всегда трудно. Что с Вами Алекс?*

(Т. В. Устинова «С небес на землю»).

Важно заметить, что существуют 3 вида реализации интертекста: цитата, аллюзия и реминисценция; Воздействующий эффект интертекстом основан на значении слов. В интертекстеме большую значимость играет лексический компонент – вот почему есть необходимость ее упомянуть.

Утешительные предложения **синтаксически** чаще всего представляются нам *простыми* и *односоставными определенно-личными* (чаще всего со сказуемыми *сочувствую, понимаю, соболезную*), например:

1. *«Знаю. **Сочувствую тебе**... – Помолчала. – Но все равно. Глаза чужие, холодные.» (Ю. В. Трифонов «Долгое прощание»)*

2. *«**ШАМАНОВ** (поднимается). **Сочувствую тебе**, дед. Помочь ничем не могу. (Прячет пистолет.)» (А. В. Вампилов «Прошлым летом в Чулимске»)*

3. *«– **Я тебе сочувствую!** Тот вечер запомнился другим. Сережа прицелился к климуковским словам насчет исторической целесообразности.» (Ю. В. Трифонов «Другая жизнь»)*

4. *«... –Дитя мое... О, я понимаю! Как я **тебя понимаю!** Плачь, плачь!» (В. П. Катаев «Миллион терзаний»).*

Встречаются и *обобщенно-личные предложения*, как в данном примере:

«... Он повернулся к ней лицом: — Не плачь, ничего не сделаешь»
(П. Л. Проскурин «Исход»)

Иногда в утешении подлежащее выражено личным местоимением второго лица, а сказуемое – существительным, например:

1. *«– А ты молодец, – тихо сказал старик. – Варвара себя жалеет и потому скорбит шумно. Оскорбительно шумно. А ты — умница ты.»*
(Б. Л. Васильев «Были и небыли»).

Необходимо выделить и наличие вопросительных конструкций в выражении утешения. Нами был отмечен следующий пример:

«– Родная моя, ну что ты? Все обойдется... У него заслуги...»
(Ю. В. Трифонов «Исчезновение»)

Их наличие в тексте высказывания играет очень важную роль эмоциональной сопричастности утешающего к происходящему.

Предложения с вводными конструкциями и обращениями мы тоже можем заметить в утешительных речах, например:

1. *«– Катя, Катя, как это ужасно!..*
– Но ведь, слава богу, он жив, Данюша. (А. Н. Толстой «Хождения по мукам»)

2. *«Есенюк. Одурели совсем!.. Освободить тамбур! Немедленно! И все!*

Лавра. Паши! Не расстраивайся!» (М. М. Роцин «Эшелон»).

Нами было замечено, что предложения с причастными и деепричастными оборотами в функционировании утешения отсутствуют. Несмотря на значимость их роли в художественном тексте, они все же несколько «утяжеляют» высказывание, добавляют ему лишнюю высокопарность, что идет вразрез с коммуникативными целями самого утешения – воздействовать на адресата быстро и убедительно.

Воплощение речевого жанра утешения в прозе мы можем рассмотреть и с точки зрения речевой стратегии. А. П. Сковородников в своей статье давал емкое понятие этому термину: «Речевая стратегия – это общий план, или

“вектор”, речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения» [Сковородников, 2004: 6]. О.С. Иссерс понятие речевой стратегии рассматривает с лингвистической точки зрения и определяет как «специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем “глобального намерения”» [Иссерс, 2006], подвергая исследованию лингвистические и интеракционные характеристики, индикаторы речи, по которым можно определить, как и какими средствами могут быть достигнуты цели общения.

Речевые стратегии выявляются на основе анализа хода диалогового взаимодействия на протяжении всего разговора. Мельчайшая единица исследования – диалоговый «шаг», фрагмент диалога, характеризующийся смысловой исчерпанностью. Число таких «шагов» в диалоге может быть различным в зависимости от темы, отношений между участниками общения и от всех прагматических факторов. Реализуются стратегии с помощью тактик – конкретных речевых ходов, последовательности речевых актов на определенном этапе интеракции.

Рисунок 4. Схема речевых стратегий и тактик общественного дискурса

При этом в нашем случае как стратегии, так и последующие тактики направленные на осуществление «утешения» и среди основных функций при этом можно выделить такие: функцию гармонизации общения, а также волюнтаристическую, дидактическую, аргументативную и синдикативную.

Проанализируем примеры из художественной литературы с точки зрения стратегий, изложенных на Рисунке 4.

Пример 1:

«СИЛЬВА (наливает). Да ты не расстраивайся! Если разобраться, у всех у нас родни гораздо больше, чем полагается... За вашу встречу!»

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика контрастивного анализа.

Пример 2:

«САРАФАНОВ. Да... Серьезного музыканта из меня не получилось. И я должен в этом сознаться...

КУДИМОВ. Ну что же. Уж лучше горькая правда, чем такие вещи.»

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика обоснованных оценок.

Пример 3:

«Папа, о чем ты грустишь? Людям нужна музыка, когда они веселятся и тоскуют. Где еще быть музыканту, если не на танцах и похоронах? По-моему, ты на правильном пути.»

Здесь применяется стратегии формирования эмоционального настроения адресата, тактика единения.

Пример 4:

«НИНА. Да так... Ты прав, отца нельзя оставлять. Сегодня я это поняла. И еще я поняла, что я папина дочка. Мы все в папу. У нас один характер...

Какой, к черту, Сахалин!»

Здесь применяется стратегии формирования эмоционального настроения адресата, тактика единения.

Пример 5:

«БУСЫГИН. Ну и не расстраивайся. Кому-кому, а тебе стоит только свистнуть, сбегится столько парней - тебе придется складывать их в штабеля.»

Здесь применяется стратегия агитационная, тактика призыва.

Пример 6:

*«– Ну, самый он. В плену. Жив, слава богу. Ах, хороший человек! **Ничего, сестрица, потерпи.** Скоро мы немца победим. Снега тронутся -- войне конец, -- замиримся. Потерпи, потерпи. **Сынов еще ему народишь, ты уж мне поверь.**»*

Здесь применяется стратегии формирования эмоционального настроения адресата, тактика учета ценностных ориентиров адресата.

Пример 7:

*«Дуничка, Николай Иванович мне сказал, что ты невеста. Правда это? Бедненькая. – Она взяла Дашину руку, поцеловала и, положив на грудь, стала гладить. – Я верю, что Иван Ильич жив. **Если ты его очень любишь – тебе больше ничего, ничего на свете не нужно.**»*

Здесь применяется стратегии формирования эмоционального настроения адресата, тактика обращения к эмоциям адресата.

Пример 8:

*«...**Я верю -- если мы будем мужественны, мы доживем до такого времени, когда можно будет любить, не думая, не мучаясь...** Ведь мы знаем теперь, – ничего на свете нет выше любви. Мне иногда кажется, придет из плена Иван Ильич совсем иной, новый...»*

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика иллюстрирования.

Пример 9:

«– А у меня, Данюша, такая горечь, такая темнота на сердце, совсем оно стало старое. Ты увидишь хорошие времена, а уж я не увижу, отцвела пустоцветом.

– Катюша, стыдно так говорить.

*– Да, девочка, **нужно быть мужественной.**»*

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика перспективы.

Пример 10:

«... Села на постель к испуганной Кате и, не дожидаясь, прочла сама, и заплакала, нагнувшись до коленок, но сейчас же вскочила, всплеснула руками:

– Катя, Катя, как это ужасно!..

*– **Но ведь, слава богу, он жив, Данюша.**»*

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика контрастивного анализа.

Пример 11:

«– Не хочу умирать зимой, – сказал он. – Хочется покинуть этот мир в цвету, чтобы оставить о нем хорошее впечатление.

*– Ты еще молодец. **Мы с тобой еще на уток пойдем,** - улыбнувшись, сказал Сергей, но Николаю Николаевичу показалось, что говорил он это вяло и бесчувственно...»*

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика перспективы.

Пример 12:

«Зарипыч сочувственно насупился, Верочка не выдержала, прерываясь и всхлипывая, она рассказала старику о своем несчастье. Тот слушал, переспрашивал, выпил рюмку, налил другую.

*– **Так ведь нельзя, может,** было приехать, - сказал он.*

– Я не верю, что нельзя было. Не утешайте меня, я и вам не верю.»

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика обоснованных оценок.

Пример 13:

*«– Чего убиваться? – начал он строго. – Со всяким бывает. Бывает и проходит. И у тебя пройдет. **Еще, гляди... свидитесь... А куды вы денетесь?** Звезды, к примеру, взять, над нами одни и те же... Куды денетесь.»*

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика перспективы.

Пример 14:

«О н а. Я не могу больше, Валя! Пойми, я не могу... Ой, и зачем это? (Горько.) Любовь!..

*О н. Ну не надо, ты что? Ну!.. **Ведь все равно счастье, так случилось, ты же знаешь...**»*

Здесь применяется стратегия формирования эмоционального настроения адресата, тактика обращения к эмоциям адресата.

Пример 15:

«М а т ь. Аля!.. Аля, ты прости, ты должна простить меня!.. Ты слышишь?.. Аля, я никогда... я тебя пальцем ни разу в жизни, ты знаешь...

В а л я. Не надо, я не хочу...

М а т ь. Ты прощаешь меня?

В а л я. Ну что ты! Ой боже! Это ты прости меня.

*М а т ь. Я?.. Девочка моя. Я тебе всегда прощу. И я, и бабушка, и Женя, мы же всегда все пойдем, все простим. Ты только будь с нами, будь умницей, не отдаляйся от нас. (С внезапной лаской.) Доченька моя, красивая моя, маленькая... Неужели мы хотим тебе плохого?.. **Кого я еще так люблю, кто мне дороже тебя?** Золотко мое... (Целует ей руки.) Рученьки мои, умные мои...*

В а л я. Мама, не надо!

*М а т ь. Я понимаю, я причиняю тебе боль, но это же ради тебя, деточка. **Ты чуточку подрастешь и все поймешь, вот увидишь.** Сейчас главное - успокоиться, забыть обо всем, отдохнуть... Хочешь, поедешь куда-нибудь на каникулы, я возьму через Красный Крест хорошую путевку, ты отдохнешь. Это все нервное.»*

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика контрастивного анализа.

Пример 16:

«О н (спохватывается). Аля! Аля!.. Ты куда? Ты что?»

О н а. Ничего.

О н. Почему ты так?

О н а. Как?

О н. Не надо!.. Ты только не думай об этом. Мы будем вместе, и все будет хорошо. Честное слово! Видишь, у нас дружно, вместе нам ничего не будет страшно. Мы горы свернем.»

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика перспективы

Пример 17:

«В о л о д я (чуть обидясь, взяв Валю за плечо). Слушай, мужик! Вот так, без никого... Вот я, ты и твой кореш... Если ты чего думаешь насчет матери, - ты брось, понял? Мать у тебя замечательная, и я к ней ничего, понял?.. Нет, ты слушай!.. Чтоб у нас все путем... Я к вам нечаяно попал, сам знаешь, и вот это дело (про покупки) - от души, от сердца, понял?»

Здесь применяется стратегии формирования эмоционального настроения адресата, тактика единения.

Пример 18:

«В о л о д я. И ты мать вообще... Ты ее держись!.. Она и девушку твою примет, и вообще!..»

Здесь применяется аргументативная стратегия, тактика перспективы

Пример 19:

«В а л е н т и н (с усмешкой). С девушкой-то все.

В о л о д я. Чего?

В а л е н т и н. Да так!..

В о л о д я. Ну-ка, ну-ка! Потерпел кораблекрушение, что ли?

В а л е н т и н. Вроде того.

В о л о д я. Ну, это ты брось!.. Мне мать рассказывала, что у вас вообще все так, без балды. А?.. Ну, интересно! Ну, вы даете!..

Б у х о в. Кончен бал, погасли свечи...

В о л о д я. Ну не поверю! Чего ж это, а? Всё деньги небось? Жилья нету, родичи против, то да се?.. Так, что ли? Эх, люди! А ты уж и лапки кверху? Ну народ! (Бухову.)»

Здесь применяется стратегии формирования эмоционального настроения адресата, обращения к эмоциям адресата.

Пример 20:

«Так в чём дело, дядя? Держи и не выпускай! Всю жизнь потом себе не простишь, увидишь! На всю жизнь кислым останешься! Брось все, не жалей, вали работать, добудь что надо! Хочешь к нам? Не будешь пить-курить, за два года вот такие гроши привезешь! Квартиру построишь, ее оденешь-обуешь, чин чинарем! А поучишься заочно. А то и потом догонишь!»

Здесь применяется аргументативная стратегия и тактика обоснованных оценок.

Пример 21:

«– То, что у меня сломалось никаким инструментом не починишь.

– Понимаю, у вас горе, но надо жить, надо как-то дальше жить.

– Для кого?

– А знаете, есть для кого. Видители какая штука, у нас на телевидении очень заинтересовались вашей историей.»

Здесь применяется аргументативная стратегия и тактика обоснованных оценок.

Как видим, самой распространенной тактикой при утешении является тактика перспективы из разряда «все будет хорошо». На основе проанализированных примеров можно сделать вывод, что аргументативная стратегия является самой распространенной применительно к жанру утешение в художественной литературе. Кроме того, из тактик стратегии аргументирования самой распространенной является тактика перспективы,

как мы и сказали – в связи с этим логичным является последующий переход к связи утешения и совета (что делать дальше, в перспективе). Рассмотрим это подробнее в следующем параграфе.

2.3. Взаимодействие речевого жанра «утешение» с речевым жанром «совет»

Прежде чем перейти к рассмотрению взаимодействия речевого жанра «утешение» с речевым жанром «совет» следует обратиться к толковому словарю Д.Н. Ушакова для определения исследуемого в данном параграфе речевого жанра. Первое значение понятия «совет» в нем истолковывается как «наставление, указание как поступить в том или ином случае» [Ушаков, 2000]. Структурной основой совета как речевого жанра обозначается речевое действие «совет». Н.К. Рябцева отмечала, что «коммуникативный смысл речевого действия – задать участие адресата в изменении окружающего мира, побудить его к реакции на содержание высказывания. В речевых действиях содержится потребность, необходимость, желание или обязанность говорящего изменить прагматическую ситуацию, создать новое положение дел» [Рябцева, 1994: 85]. Здесь мы можем провести параллель с речевым жанром «утешение», потому как результатом действий утешающего должна стать перемена к лучшему в состоянии нуждающегося в поддержке.

Согласно исследованию А.А. Соловьевой, речевой жанр «совет» состоит из трех основных частей: 1) просьба адресата о совете (выраженная - подразумеваемая / отсутствие просьбы); 2) собственно совет (установление доверительных отношений, например, констатация собственного опыта); произнесение высказывания-совета, аргументированная часть); 3) реакция на совет (согласие, несогласие, обдумывание, любопытство, уточнение, переадресация, объяснение, возмущение) [Соловьева, 2007: 2].

Существуют следующие основные разновидности речевого жанра «совет»: совет-увещевание, совет-требование, совет-сожаление, совет-предложение, совет-намеки, совет-упрек, совет-угроза, совет-пожелание, совет-предостережение, аутогенный совет. Совет-рекомендация, совет-инструкция,

совет-консультация являются характерными для институционального дискурса [Соловьева, 2007: 2]. Из перечисленных выше видов речевого жанра «совет» ближе всего к жанру «утешение» является **совет-увещание** (по типу уговора).

По тональности выражения советы подразделяются на деликатные, ироничные, прямолинейные, серьезные, раздраженные и дружеские. Так как в нашем случае речь идет об утешении, то совет мы рассматриваем только с положительной коннотацией.

Среди многих косвенных актов утешения, на первом месте выделяются утешения с советом, которые часто выступают в устойчивых высказываниях разной степени слияния: возьми себя в руки; держи себя в руках; не падай духом; не теряй присутствия духа; не теряй выдержки; не теряй самообладания; не принимай этого близко к сердцу; не обращай (на это) внимание; не поддавайся настроению и т.д.

Проанализируем в приведенных ранее и новых примерах, имеет ли место присутствие совета и если да, то какого он типа применительно к жанру «утешение». В пьесе «Валентин и Валентина» М.М. Рощина находим следующий отрывок:

*«... – Так в чём дело, дядя? Держи и не выпускай! Всю жизнь потом себе не простишь, увидишь! На всю жизнь кислым останешься! **Брось все, не жалей, вали работать, добудь что надо!** Хочешь к нам? Не будешь пить-курить, за два года вот такие гроши привезешь! Квартиру построишь, ее оденешь-обуешь, чин чинарем!»*

Мы наблюдаем явление дружеского совета адресату: собраться с силами и набраться жизненного опыта для построения дальнейших гармоничных отношений с возлюбленной. Здесь мы видим и утешение героя адресантом («Не жалей»), показывающее незначительность испытываемой героем печали.

Другой пример находим в повести «Старший сын» А. В. Вампилова:

«...– Папа, о чем ты грустишь? Людям нужна музыка, когда они веселятся и тоскуют. Где еще быть музыканту, если не на танцах и похоронах? По-моему, ты на правильном пути.»

В данном примере мы находим как утешение (содержательного типа «умаление тяжести испытаний»), так и совет с дружеской тональностью выражения (идея держаться выбранного пути реализуется через убеждение адресанта в правильности выбора жизненных ориентиров).

Следующий пример мы встречаем в пьесе Э. В. Брагинского «Гараж»:

«СИДОРИН (обнимает жену Гуськова). Разумная моя, кроме тебя одной... у меня никого нет. Не было и не будет. Я люблю только тебя, и, пожалуйста, успокойся (с душой). пожалуйста, не нервничай. Все будет хорошо.»

Перед нами – типичный пример утешения с советом деликатного характера. Если углубляться в само содержание пьесы, то можно обнаружить, что выделенный нами фрагмент высказывания основан на фантазии, граничащей с легким помутнением разума у героини, которую успокаивают. И даже здесь, несмотря на кажущуюся поверхностность высказывания, совет обнаруживается уместным, хоть и формальным.

Еще один пример находим у А. Н. Арбузова в пьесе «Ожидание»:

«Шурик (не сразу). Хорошо тебе, что вернулась?»

Люсия. А я вернулась?»

Шурик. Ладно тебе...

Люсия (вскрикнула). Нет, не ладно! Не ладно. (Тихо.) Все не прощают. Всем чужая.

Шурик. А ты потерпи... (Помолчав.) Оглянись вокруг... Слышишь — весла на воде поскрипывают... лягушка вскрикнула... комар зашумел... вода теплом дышит. Разве чужое это тебе? Не твое?»

Здесь мы обнаруживаем утешение со стратегией смены фокуса (стратегии были выявлены А. О. Ханским и описаны в теоретической главе); склонность к эмпатии у адресанта выражается как раз в этом эмоциональном

смещении внимания адресата на что-то другое, выходящее за рамки проблемы, для обнаружения положительных моментов. Деликатный по тональности совет в этом примере дополняет выражение утешения и оказывает более эффективное воздействие на адресата. Еще один пример у этого автора находим в пьесе «Таня»:

«Т а н я. Кому я тут нужна? (Тихо.) Неудачница. (Пауза.) Вот я и сказала это слово.

И г н а т о в. Неправда. Вас любят и уважают в районе... Я... Я... почти понимаю, как вам тяжело сейчас... Но... Вам надо научиться быть черствой. Это входит в обязанности врача. Жалейте молча, краешком сердца, так, чтобы никто не заметил. Падать духом оттого, что вам не дано вылечивать всех! Разве это поможет вам завтра, когда вы отправитесь в очередной рейс?»

Автор утешения, проявляя искренность и сострадание по отношению к героине, как бы показывает, что он знает, о чем ее боль, он ее представляет. Однако реалии современной жизни оказываются несколько суровы, судя по контексту; практически недопустимо проявлять слабость будучи врачом – на это и обращает внимание адресант, советуя быть отстраненнее, а оттого сильнее.

В рассмотренных нами ранее произведениях нами также обнаружено взаимодействие двух этих речевых жанров. Из повести «Сотников»:

«– Ничего, не бойся. Крысы что? Крысы не страшны. Укусят, ну и что? Такой беды! Иди вон в мой угол, садись. И я тут... Я их, чертей!..»

Утешение здесь строится на умалении причин для страха (укусы крыс не так страшны) и совете быть храбрее.

На основе проведенного нами исследования можем заметить, что жанр «совет» часто встречается в контакте с основным изучаемым нами жанром «утешение». Регулярно мы видим, как в процессе коммуникации утешающим человеком эти два жанра имплицитно – для более успешного воздействия на утешаемого за счет емкости мысли. Среди других этикетных жанров

утешение стоит обособленно, на наш взгляд, поскольку направлено на помощь человеку в трудных ситуациях (они, как мы замечали ранее, могут быть весьма разноплановыми), и нельзя отрицать то, что акт совета эту поддержку усиливает. Человек в горе может быть дезориентирован, совершенно ослаблен, и часто одно только утешение в виде кратких реплик («Не печалься, пройдет») может быть недостаточным для него, поскольку не выведет из стагнации. Взаимодействие совета и утешения направлено по большей части на решение проблемы адресата, на помощь, показывает большую заинтересованность утешающего, его эмпатичность (ведь он нашел в себе ресурс для поиска путей решения проблемы, горе другого человека в его душе откликается). Кроме этого, конечно, немаловажно и отвлечение внимания расстроенного человека, с чем совет в речевой практике тоже отлично справляется.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

На основе проанализированных нами примеров из художественной литературы XX века мы выделили такие содержательные типы исследуемого жанра, как **временность страданий, необходимость терпения/воспитание мужественности, умаление тяжести испытаний и общность страданий**. Эти типы мы находили и ранее в научных работах, о чем упомянули в тексте.

По факту рассмотрения фрагментов второго параграфа мы заметили, что наиболее частотным способом выражения утешения в тексте является использование фраз с глаголом повелительного наклонения, содержательно соответствующей коммуникативной ситуации, как и писала Н. И. Формановская [Формановская, 2009: 298]. Самые регулярные в утешительных конструкциях глаголы: **утешься, крепись, потерпи, брось, оставь, бросьте/бросьте (унывать), приободришься, мужайся**, кроме этого – императивы с частицей «не»: **не расстраивайся, не плачь, не думай, не горюй, не принимай (близко к сердцу), не реви, не бойся, не страдай, не переживай**. Фигурируют в наших примерах и утешение с использованием повелительного глагола с формой совместного действия: **прорвемся, переживем, справимся**; с ее помощью автор выражает свою сопричастность к происходящему и готовность оказать содействие в решении проблем. Кроме этого, по нашим наблюдениям в утешительных конструкциях нередко встречаются и глаголы изъявительного наклонения «**бывает**», «**пройдет**», «**будет**», обусловленных желанием утешающего обратить внимание на то, что испытания в нашей жизни появляются регулярно, но они носят временный характер. В редких случаях утешение может выражаться через просьбу - помощью глагола «**прошу**» и следующих за ним частей речи (например, глаголов успокаиваться/успокоиться).

Существительные, составляющие высказывание сочувствия, зачастую представляются абстрактными (**ерунда, пустяки**), очень редки использования конкретных – в нашем случае, это выражение с единицей **ошибка**. Образность высказыванию придает, как мы выяснили, использование **эпитетов**,

парцелляции, устойчивых выражений, риторических вопросов, анафорического повтора, синонимов/антонимов, редко – эллипсиса. Их функционирование в утешительной речи, как мы отметили, обуславливается коммуникативной интенцией утешающего наиболее глубоко воздействовать на психологическое состояние утешаемого, и эта цель, как нам кажется, действительно достигается в большинстве случаев.

Исследуемый речевой жанр чаще всего имеет форму простых и **односоставных определенно-личных предложений** (*сочувствую тебе, понимаю тебя*), помимо этого встречаются и **обобщенно-личные предложения** (*ничего не поделаешь*); встречаются и конструкции с подлежащим в виде **личного местоимения второго лица** (*ты молодец*).

Нами было замечено, что предложения с причастными и деепричастными оборотами в функционировании утешения отсутствуют, поскольку «утяжеляют» высказывание, добавляют ему лишнюю высокопарность, что идет вразрез с коммуникативными целями самого утешения – воздействовать на адресата быстро и убедительно.

Из речевых стратегий мы выявили самую частотную – аргументативную, а из тактик стратегии аргументирования самой распространенной является тактика перспективы (как пример: горе не вечно).

На основе проведенного нами исследования в третьем параграфе можем заметить, что жанр «совет» часто встречается в контакте с основным изучаемым нами жанром «утешение», поскольку советом утешающий как бы усиливает положительное воздействие на утешаемого и помогает ему найти пути решения его проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ теоретических источников, посвященных основным вопросам теории речевых жанров, показывает, что в настоящий момент данная теория представлена значительным количеством трудов, среди которых есть такие, которые можно рассматривать как основу для написания исследований, посвященных отдельным речевым жанрам, в том числе и таким этикетным речевым жанрам, как совет, утешение, поздравление, просьба, благопожелание, извинение и другие. Несомненно, что как базовый в этом отношении следует рассматривать труд М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров».

В ходе исследования, используя типологии этикетного речевого жанра «утешение», представленные в работах Т. Г. Рабенко и А. Н. Смолиной, нами были рассмотрены функционирующие в текстовом пространстве русской художественной литературы XX века такие содержательные типы русского утешения: *временность страданий, необходимость терпения/воспитание мужественности, умаление тяжести испытаний, общность страданий*. Именно эти типы наиболее ярко и репрезентативно характеризуют русский национальный характер. Русскому человеку издревле было свойственно жить в единстве с другими, жить соборно, сходно чувствовать и переживать как моменты счастья, так и моменты горести. Кроме того, об особенностях отечественного мировоззрения говорит и стремление преуменьшить горе, мужественно его перетерпеть, в этом заложена сама суть глубины русского характера – человек старается не допустить мысли о том, что испытания судьбы могут его сломить. На представленных в настоящей работе примерах из отечественной литературы мы видим, что поводы для страдания у русского человека всегда были разными, но чаще всего, конечно, весомыми. И, тем не менее, даже ужасы войны, испытания послевоенного времени, потеря близких русским человеком зачастую воспринимается как необходимое, временное, ибо в бесконечном горевании можно попросту потерять себя и силы жить дальше.

К лексическим особенностям этикетного речевого жанра «утешение», функционирующего в русской культуре, следует отнести: использование синонимов, антонимов, фразеологизмов, эмоционально-экспрессивно-окрашенной лексики. Выражение эмоциональности с помощью специфических языковых единиц (эмоционально-экспрессивно окрашенных слов или слов, становящихся таковыми в условиях определенного контекста, фразеологизмов, пословиц и поговорок) можно считать жанрообазующим признаком утешения. Из указанных эмоционально-экспрессивно окрашенных единиц следует выделить глаголы, используемые с частицей *не* (*не волнуйся, не тревожься, не сердись, не огорчайся, не беспокойся, не раздражайся, не заводись, не кипятись, не злись, не нервничай, не паникуй, не бойся, не майся, не суетись, не переживай, не горячись, не упрямясь, не расслабляйся, не тужи, не унывай, не плачь, не горюй* и других) или без частицы *не* (*крепись, бодрись, приободрись, держись, мужайся, умудряйся, соберись, старайся, терпи, потерпи, забудь, не вспоминай* и других); глаголы второго лица, использующиеся в сочетании с личными местоимениями *ты, тебя, мы, нас, нам* (*ты справишься, у тебя получится, ты выдержишь, ты выступишь, ты добьешься, ты сумеешь, ты сможешь, тебе удастся, ты сделаешь, ты достигнешь, ты докажешь, тебе повезет, мы справимся, мы сделаем, мы добьемся, мы выдержим, мы выстоим, мы сможем, у нас получится, нас не сломит, нам удастся, нам повезет, нам посчастливится* и другие); прилагательные, в том числе и с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*несчастливая, бедный, бедная, милый, милая, бедненький, бедненькая, миленький, миленькая, сердечный, сердечная, горемычный, горемычная* и другие); эмотивные существительные (*бедняжка, бедняга, страдалица* и другие); устойчивые выражения (*Бог терпел и нам велел; терпи, казак, атаманом будешь; держи хвост пистолетом; держи хвост морковкой; держи хвост крючком; держи хвост крючком, а нос пяточком; держи себя в руках; будь, что будет; была не была; горе не беда; все пройдет, скрепя сердце, все перемелется* и другие). В создании эмоциональности весьма

значима роль пословиц и поговорок (*дело мастера боится; учиться всегда пригодится; лиха беда – начало; слезами горю не поможешь; нет худа без добра; хорошо там, где нас нет; суженого конем не объедешь* и других). Из лексико-тропеических средств особое внимание обращает на себя использование эпитетов, сравнений. Частая встречаемость указанных тропов позволяет выделить такую чету этикетного речевого жанра «утешение», как тропеичность.

К морфологическим особенностям реализации этикетного речевого жанра «утешение» следует отнести использование глаголов в повелительном наклонении (*держись, крепись, улыбнись, взбодрись, соберись* и других), абстрактных существительных (*пустяки, ерунда, недоразумение, глупости, чепуха* и других), наречий (в том числе и предикативных) в сочетании с частицами, междометиями и без частиц, междометий (*ладно, ну и ладно, да ладно, прекрасно, хорошо, спокойно* и других), личных местоимений (*ты, вы, мы* и их падежных форм), достаточно частое употребление частиц (*ну, даже, не, ни, вот, пусть, бы* и других), междометий (*эх, ах, ой, ой-ой-ой, ай, уввы, ну, о, э* и других).

Из синтаксических особенностей следует выделить использование простых предложений, не осложненных причастными и деепричастными оборотами, односоставных предложений, чаще всего – определенно-личных, несколько реже – обобщенно-личных, восклицательных предложений, вопросительных предложений, конструкций с междометиями, частицами и вопросительно-восклицательными словами, конструкций с вводными словами, выражающими чувства говорящего, конструкций с обращениями.

К фигуративным особенностям этикетного речевого жанра «утешение» следует отнести использование различных видов повтора, в том числе и анафорического, перечисления, риторического вопроса и риторического восклицания, парцелляции, эллипсиса, антитезы. Активное использование отмеченных фигуративных средств позволяет говорить о такой черте описанного речевого жанра, как фигуративность.

Особое внимание при создании жанрового портрета утешения следует уделить использованию интертекстуальных включений (цитат, аллюзий и реминисценций). Интертекстемы (*нам ли быть в печали?; есть только миг; и в летний сад гулять водил; она чувствовала себя все хуже и хуже; блаженны плачущие* и другие) создают особый облик этикетного речевого жанра «утешение» и позволяют говорить о такой его черте, как интертекстуальность.

Из речевых стратегий, используемых при утешении, как наиболее частотную следует выделить аргументативную, а из тактик стратегии аргументирования – тактику перспективы (как пример: горе не вечно). Обращение к тактике перспективы и аргументативной стратегии, являющихся самыми распространенными, дает основания говорить о невероятной силе русского духа («сейчас тяжело, но это пройдет»). Использование аргументации при утешении позволяет выделить такую черту исследованного жанра, как аргументативность.

Изучение взаимодействия речевого жанра «утешение» с речевым жанром «совет» показало, что использование совета в коммуникации помогает оказать более эффективную поддержку утешаемому. Взаимодействие совета и утешения направлено по большей части на решение проблемы адресата, на помощь, показывает большую заинтересованность утешающего, эмпатию (ведь тот, кто утешает, нашел в себе ресурс для поиска путей решения проблемы, горе другого человека в его душе откликается).

Подводя итог рассуждениям об исследованном жанре, отметим, что в современном русском языке существует обширный репертуар языковых средств, обладающих особым потенциалом в выражении утешения и использующихся в ситуациях, когда нужно выразить поддержку другому человеку, утешить, успокоить, привести из состояния разлада в состояние лада и согласия, внутренней и внешней гармонии; к таким языковым средствам относятся и специфические эмоционально-экспрессивные слова, и фразеологизмы, и пословицы, помогающие осмыслению различных ситуаций, содержащие в себе мысли, способствующие утешению, и особые

синтаксические конструкции (конструкции с вводными словами, выражающими чувства говорящего, конструкции с междометиями, частицами и другие). Речевой жанр «утешение», реализующийся в русском языке, – особое языковое явление, способствующее гармонизации отношений, снижению конфликтности во взаимоотношениях между людьми, установлению контакта, его поддержанию, созданию особого коммуникативного пространства, в основе которого лежит добро, взаимопонимание, сочувствие, сострадание, сопричастность судьбе другого человека, ответственность за других людей и их будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет: учеб. пособие для студентов-иностранцев. М., 1978. 186 с.
2. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма: учебное пособие // 8-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 208 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Проблема соотношения речевого жанра и дискурса // Русистика. 2009. С. 53–61.
4. Аль-Фарадж Е.А. Эпистолярное утешение XVII века на примере переписки Антуана Арно // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 1. С. 56–64.
5. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–56.
6. Архипенкова А.Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2006. 22 с.
7. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940–1960 гг. С.159–206.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М, 1979. 424 с.
9. Белова А.В. Языковая реализация этикетного диалога в паре «Жалоба-утешение» на примере эпистолярных произведений // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2016. № 3 (22).
10. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. 320 с.
11. Василюк Ф.Е. Сопереживание как центральная категория понимающей психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 5. С. 205–227.
12. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 99–111.
13. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999. С. 4–6.
14. Дементьев В.В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи. Саратов, 2015. № 6. С 78–107.

15. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
16. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М, 2010. 600 с.
17. Дементьев В.В. Что дало современное жанроведение современной лингвистике // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.
18. Долинин К.А. Проблема речевых жанров через 45 лет после статьи Бахтина // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 35–46.
19. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006.
20. Казачкова Ю.В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2006. 177 с.
21. Кан Сын Мин. Формы выражения толерантности в русском речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2010. 25 с.
22. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
23. Керасиди Н.Х. Жанр утешения в древнегреческой литературе // Проблемы исторической поэтики. 1990. Т. 1, URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2351>
24. Клебанова М.Г. «Сочувствие», «успокаивание», «утешение» в обиходной коммуникации // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. статей VIII международной научно-практической конференции / сост. Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. Калининград: Изд-во РА Полиграфычъ, 2020. С. 40–45.
25. Косицкая Ф.Л. Речевой жанр как единица контрастного анализа [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/kositckaya_f._1._101_105_4_5_5_2006.pdf

26. Кузьмина Н.Н. Реализация гуманистического начала в общении врача и пациента (жанр «утешение») // Вестник КГУ. 2010. № 1. С. 84–86.
27. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. 688 с.
28. Ломоносов М.В. Избранные труды [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/18vek/lomonosov/01text/02addenda/11addenda/138.htm> (дата обращения: 12.05.2022)
29. Маслова В.А. Общие проблемы теории речевых жанров. Жанры речи. 2021. №1 (29). С. 6–11.
30. Немец Н.Г. Утешение как механизм изменения структуры самосознания личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Ярославль, 2007. 21 с.
31. Нестерова Т.В. Косвенные речевые акты в обиходном общении русских // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2. № 6. С. 26–34.
32. Прохоров Ю.Е. Русское коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. М., 2005. 180 с.
33. Рабенко Т.Г., Черепанова Е.А. Жанры приветствия и прощания в речи студентов // Вестник КемГУ. 2008. № 2. С. 174–179.
34. Рабенко Т.Г. Жанр утешение и средства его языковой реализации // Вестник кемеровского государственного университета. 2012. № 4-4 (52). С. 107–111.
35. Рабенко Т.Г. Утешение: речевые тактики жанра // Образ мира в зеркале языка / под науч. ред. В.В. Колесова, М.В. Пименовой, В.И. Теркулова. М.: Изд-во ФЛИНТА, 2011. С. 367–376.
36. Рассадина Т.А. Традиционные ценности русской культуры // Социально-гуманитарные знания. ВАК, 2008. 18 с.
37. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
38. Седов К.Ф. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. 320 с.

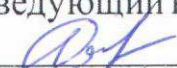
39. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика – Лингвистика. Вып. 5: Сб. статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 5–11.
40. Смолина А.Н. Речевой жанр совета в духовных письмах русских церковных писателей XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016б. №9-3 (63). С. 171–179.
41. Смолина А.Н. Речевой жанр «утешение» в русской монашеской культуре XX века (на материале писем митрополита Иоанна (Снычева)). Минск: БДУ. 2019. С. 100–103.
42. Смолина А.Н. Речевой жанр утешения в эпистолярном церковно-религиозном общении (на материале писем русских церковных писателей-монахов XX века) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 2 (32). С. 36–42.
43. Соловьева А.А. Речевой жанр «совет» с точки зрения его семантических характеристик (на материале современного английского языка) // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2-2. С. 141–143.
44. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. 1499 с.
45. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговорь» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
46. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. М., 1997. № 5. С. 102–120.
47. Федунина Н.Ю. «Горе» и «утешение» в русской языковой картине мира // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4 (59). С. 124–137.
48. Федунина Н.Ю. Тема утешения в русском классицизме XVIII в // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 2 (57). С. 183–186.
49. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: ИКАР, 1998. 294 с.

50. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
51. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. С. 268.
52. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М.: ВК, 2009. 334 с.
53. Формановская Н.И. Утешение и сочувствие // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд. Красноярск: СФУ, 2014. С. 710–711.
54. Ханский А.О. Коммуникативные стратегии вербального утешения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2002. 12 с.
55. Ханский А.О. Вербальное утешение. Тверь, 2001. 80 с.
56. Черняева А.Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02. СПб., 2008. 24 с.
57. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 93.
58. Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления // Collegium. Киев, 1995. № 1–2.
59. Янкина Е.В. Адресат речевых жанров социальной поддержки // Известия ВолГТУ. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. Т. 14. № 16 (119). С. 53–56.
60. Янкина Е.В. Феномен «Социальная поддержка» в коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 688–691.
61. Hofstede Insights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/hi/product/compare-countries/>

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
 И. В. Евсева
« 24 » июня 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
РЕЧЕВОЙ ЖАНР «УТЕШЕНИЕ» В РУССКОЙ
КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА (на материале текстов художественной
литературы)

Выпускник

П.И. Иванова

Научный руководитель

д-р. филол. наук,
доц. А.Н. Смолина

Нормоконтролер

Н.А. Руш

Красноярск 2022